

Л. Е. Гринин*Волгоградский центр социальных исследований*

*Достаточно общепризнано, что догосударственное общество для своего превращения в государство должно обладать определенной численностью населения, необходимой социокультурной сложностью и возможностью производить значительное количество прибавочного продукта. Однако бывает, что социумы существенно переходят указанный уровень сложности и объемов, но не образуют государства. Известно немало таких исторических и этнографических негосударственных обществ, не уступавших раннегосударственным по размерам территории, численности населения, социокультурной и/или политической сложности. Как же классифицировать подобные общества? Ведь в сравнении с бесспорно догосударственными социумами (такими как, например, простые вождества) они не только намного крупнее, но и намного сложнее. В определенном смысле их можно считать находящимися на одном уровне социокультурного развития с раннегосударственными обществами. И поскольку и в тех и в других обществах решались аналогичные проблемы и задачи, указанные сложные негосударственные общества объединены мной понятием **аналоги** раннего государства. Настоящая статья посвящена анализу таких аналогов и их сравнению с ранними государствами.*

ВВЕДЕНИЕ

Едва ли ошибусь, если скажу, что среди исследователей проблем генезиса государства (и шире – политогенеза в целом) взгляд на государство как на единственно возможный и потому безальтернативный итог развития догосударственных политий преобладает. Такой однолинейный подход, несомненно, усиливает методологические трудности, с которыми столкнулись многие политические антропологи при исследовании сложных негосударственных обществ (см., например: Белков 1993: 1995; Попов 1995а; 1995б; McIntosh 1999а; 2000; Possehl 1998; Vansina 1999). Нередко даже говорят, что исследования политогенеза вообще зашли в тупик (см., например: Bondarenko 2000а: 213; Бондаренко 2000: 198). Однако из этого методологического тупика будет

легче выбраться, если отказаться от идеи, что государство было единственной и универсальной возможностью развития для усложнившихся позднепервобытных обществ, и признать, что **были и иные, альтернативные пути для развития подобных обществ, помимо превращения в раннее государство** (Bondarenko 2000a; Гринин 2001–2005; 2006a; Grinin 2003; 2004c). По счастью, сегодня мысль, что негосударственные общества не обязательно менее сложные, менее эффективные, конкурентные и успешные, чем государственные, выглядит уже не такой крамольной, как несколько лет назад (Bondarenko, Grinin, Korotayev 2002; 2004; см. также: Claessen 2002: 101; Классен 2006; Crumley 1995; 2001)¹. Достаточно успешно разрабатываются идеи альтернативных государству моделей политогенеза (см., например: Kradin, Lynsha 1995; Kradin *et al.* 2000; Kradin, Bondarenko, Barfield 2003; Bondarenko, Korotayev 2000a; Grinin *et al.* 2004; Бондаренко, Коротаев 2002; Крадин, Лынша 1995; Крадин, Бондаренко 2002).

Известно множество исторических и этнографических примеров политий, которые по политическому устройству, структуре власти и управления существенно отличаются от раннего государства, но аналогичны ему по размерам и сложности (Alexeev *et al.* 2004; Beliaev *et al.* 2002; Bondarenko 1995; 2000a; 2000b; Bondarenko, Grinin, Korotayev 2002; 2004; Bondarenko, Korotayev 2000a; Bondarenko, Sledzevski 2000; Crumley 1995; 2001; Grinin 2000; 2002a; 2002b; 2003; 2004c; Grinin *et al.* 2004; Korotayev 1995; Kradin *et al.* 2000; Kradin, Bondarenko, Barfield 2003; Kradin, Lynsha 1995; McIntoch 1999b; Possehl 1998; Schaedel 1995; Бондаренко 2001; Бондаренко, Коротаев 2002; Гиренко 1993; Гринин 1997; 2000a; 2001–2005; 2006a; Коротаев 2000a; 2000б; Крадин, Лынша 1995; Крадин, Бондаренко 2002; Попов 1995a; 1995б; 2000).

Наличие таких политий связано с тем, что, достигая определенных размеров и социокультурной сложности, с которых переход к государству, в принципе, уже возможен, общество может продолжать развиваться, но при этом долго не создавать раннегосударственную политическую форму. В частности, в социуме может быть очень высоким уровень социальной стратификации (примеры приводятся далее), но отсутствовать государственность. Эти альтернативные раннему государству формы названы мной аналогами раннего государства (см., например: Гринин 2001–2005). Их анализу и сравнению с ранними государствами посвящена данная работа. Но прежде необходимо указать, что в этой статье понимается под ранним государством.

Раннее государство – это категория, с помощью которой описывается особая форма политической организации достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества (группы обществ, территорий), определяющая его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; эта политическая форма есть в то же время отделенная от населения организация власти:

а) обладающая верховностью и суверенностью; б) способная принуждать к выполнению своих требований; менять важные отношения и вводить новые, перераспределять ресурсы; в) построенная (в основном или в большей части) не на принципе родства.

Следовательно, важно подчеркнуть, что в данной работе везде раннее государство рассматривается не как особый тип общества (социума в целом), а, прежде всего, как особая политическая организация общества (система политических и административных институтов), возникающая – **но не всегда, а лишь при определенных условиях** – в обществе, которое достигло необходимого уровня развития, и, в частности, имеет определенный уровень социокультурной и политической сложности, объем прибавочного продукта и богатства, размер территории, численности населения². Важно также указать, что, если подходить к пониманию раннего государства, прежде всего, как к продукту непримиримости социальных противоречий (например: Энгельс 1961; Fried 1967; 1978; Krader 1978; и др.), тогда многие описываемые далее явления трудно поддаются объяснению³.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. АНАЛОГИ РАННЕГО ГОСУДАРСТВА

1. Аналоги раннего государства: предварительные пояснения

Достаточно общепризнано, что для образования государства догосударственное общество должно обладать определенными минимальными характеристиками: по территории, населению, сложности, социальному неравенству и возможности аккумулировать прибавочный продукт (см., например: Claessen 1978a; 2000; 2002). Однако, как уже сказано, социумы могут существенно перерасти уровень таких показателей, но не образовывать государства. Как классифицировать такие общества? Как все еще догосударственные или как-то иначе?

Решение проблемы заключается в том, что – как я доказываю в целом ряде своих работ – раннее государство вовсе не являлось единственной формой политической организации усложнившихся позднепервобытных обществ. Были и иные типы политий. Причем длительное время они составляли достаточную альтернативу раннему государству. Такие общества я назвал **аналогами раннего государства** (Гринин 1997; 2000; 2001–2005; 2003a; 2003b; 2006a; Grinin 2000; 2002a; 2002b; 2003; 2004a; 2004b; 2004c; Bondarenko, Grinin, Korotayev 2002; 2004). Ведь, с одной стороны, по сравнению с бесспорно догосударственными, такими, как, например, коллективы во главе с бигменами, простые вождества, небольшие племена и другие, они не только более крупные, но и гораздо более сложные. А с другой стороны, они имели сравнимые с ранними государствами размеры и уровень сложности, а также решали сравнимые по масштабам и целям задачи. Потому в определенном смысле их можно считать находящимися на одном уровне социокультурного и/или политического развития с раннегосударственными обществами.

Последние, разумеется, существенно отличаются от аналогов, однако не столько уровнем развития, сколько, прежде всего, некоторыми особенностями политического устройства и «техникой» управления (о которых см. дальше). Но, несмотря на различия в механизмах регулирования социально-политической жизни, и в тех и в других обществах реализовывались аналогичные функции, а именно:

- создание минимального политического и идеологического единства и сплоченности в разросшемся обществе (группе близких обществ) для решения общих задач;

- обеспечение внешней безопасности или условий для экспансии;

- обеспечение социального порядка и перераспределения прибавочного продукта в условиях социальной стратификации и усложнившихся задач;

- обеспечение минимального уровня управления обществом, включая законотворчество и суд, а также выполнение населением необходимых повинностей (военной, имущественной, трудовой);

- создание условий для воспроизводства хозяйства (особенно там, где требовалась координация общих усилий).

Ниже я даю некоторые примеры таких аналогов. Но предварительно требуются пояснения.

2. Альтернативные раннему государству пути эволюции

Раннее государство возникает лишь в обществе определенной сложности, которое достигло необходимого уровня развития. И чтобы стать государством, необходимы определенные критерии⁴:

1. Общества не могут быть меньше определенного размера и сложности (самое меньшее несколько тысяч жителей). Хотя чаще требуется больший размер, а по мере развития государства его объемы, как правило, возрастают до многих тысяч (часто до десятков и сотен тысяч и даже миллионов человек).

2. В обществе должен иметься определенный производственный базис в виде сельского хозяйства, ремесла и торговли (два последних в отдельных случаях заменяет военно-данническая эксплуатация соседей).

3. В обществе должна быть заметная социальная стратификация.

4. Необходим определенный уровень политической и структурно-управленческой сложности, по крайней мере, должно быть не меньше трех уровней управления, а чаще – больше (см., например: Carneiro 2000: 186), что при археологических раскопках нередко выражается в трех-, четырехуровневой иерархии поселений (Wright, Johnson 1975; Джонсон 1986).

После обретения обществом таких объективных условий оно уже может стать государством. Но для такой трансформации, помимо указанных объективных параметров, требуются еще фактические (конкретно-исторические) возможности и способность стать государством. Особенности географического положения, производственная база,

принципы организации общества, историческая ситуация, отсутствие нужного толчка и прочее могли препятствовать такой трансформации в государство, хотя и не останавливали развитие. Следовательно, при одних и тех же объективных данных: размере, численности населения, уровне социокультурной и/или политической сложности – в одних ситуациях при наличии конкретных благоприятных условий уже возникает возможность начать трансформацию в государство, а в других – нет⁵. В статье Х. М. Классена (2006) приводятся интересные примеры таких причин, которые он называет «спусковым крючком» для начала образования государств. Он также приводит примеры обществ, которые имели объективные условия для формирования государств, но не смогли стать государствами.

Что же случается, если у политики есть объективные условия для формирования государства, но недостаточно конкретно-исторических? Одни из них могут топтаться на месте. Но другие продолжают развиваться, и нередко достаточно успешно и интенсивно. Но только они движутся своими особыми путями, в большей или меньшей степени отличными от формирования государства. Таким образом, ретроспективно все многообразие политогенетических путей развития обществ, я считаю, необходимо разделить на два главных:

- 1) непосредственное преобразование в раннее государство;
- 2) трансформация в аналог государства.

В свою очередь, пути развития аналогов также различны. Одни оказываются вовсе не способными стать государством, как по самой своей природе, так и из-за того, что их политогенез был насильственно прерван (в нижеприведенных примерах это ирокезы, туареги, хунну, галлы и другие). Другие аналоги превращаются в государство. Однако такой переход осуществляется по достижении уже весьма высокого уровня развития и сложности, вполне сравнимого с уровнем многих государственных обществ. Причем уровень, с которого разные аналоги превращаются в государство, сильно варьирует. Одни аналоги трансформируются в государство, имея население в 10–15 тыс. человек, другие – уже много десятков тысяч, а третьи – сотни тысяч.

Все это значит, что переход к государству в разных обществах осуществляется не с одного и того же, как обычно полагают, а с очень разных уровней социокультурной и политической сложности.

Исходя из того, что переход к раннему государству осуществляется от обществ разной сложности и размера, я предложил (Гринин 2001–2005; 2006а; Grinin 2003; 2004с) разделить все догосударственные общества на две группы: **стадиально (принципиально) догосударственные** и **стадиально равные раннему государству**. Первые – при наличном уровне сложности и размеров **не могут** образовать раннее государство. Вторые – объективно уже **способны** образовать государство. Они и есть **аналоги раннего государства**.

Но тут надо сделать два важных пояснения.

Первое. Стадиальное равенство означает только нахождение в объеме одной стадии развития. Но оно не означает равенства и по всем остальным параметрам. Одни социальные организмы и явления в рамках стадии выступают более развитыми, прогрессивными, универсальными, и в длительной перспективе более «проходными», чем другие. Именно так и обстоит дело в отношении ранних государств и аналогов. Иначе раньше или позже аналоги не стали бы трансформироваться в государства. Это подтверждает, что структурно-функционально ранние государства отличаются от аналогов не столько уровнем развития, сколько, прежде всего, некоторыми особенностями политического устройства и «техникой» управления, а исторически – тем, что первые имели определенное, удачное для образования именно государства сочетание особых условий, а вторые не имели их.

Второе. Нахождение на одной стадии развития может совмещаться с тем, что исторически одна форма будет перерастать в другую. Поэтому, поскольку многие аналоги позже стали государствами, в этом смысле их можно рассматривать и как догосударственные политии. И это, на первый взгляд, означает как бы противоречие в моей теории аналогов раннего государства. В самом деле, как аналоги могут одновременно быть и догосударственными, и равными государству по уровню развития политиями? Однако никакого противоречия тут нет. Дело в том, что можно вести речь о **стадиально** догосударственных и **исторически** догосударственных обществах. А это большая разница. Аналоги выступают только как **исторически** догосударственные, но не как стадиально догосударственные.

Для лучшего понимания такого разграничения можно провести следующую аналогию. Скотоводство может исторически предшествовать земледелию, но стадиально – это равные виды производства. Можно провести и более близкую россиянам аналогию. Если считать капитализмом господство негосударственного капитала в экономике, то сегодня Россию в этом смысле уже можно назвать капиталистическим обществом. Но тогда социализм неожиданно оказывается **докапиталистическим** строем. Однако очевидно, что он не равен докапиталистическому феодальному строю. Феодализм был и стадиально, и исторически докапиталистическим, а социализм был индустриальным обществом и выступал как аналог капиталистического индустриального хозяйства.

Из сказанного вытекают важные выводы, позволяющие более адекватно представить ход политогенеза и формирования собственно государства в его рамках.

1. Хотя любое общество, которое исторически предшествует образованию раннего государства, является исторически догосударственным, однако оно может предшествовать не обязательно малому государству, а сразу среднему или крупному. При этом чем крупнее и

сложнее «догосударственное» общество, тем вероятнее, что оно сразу перейдет и к более крупному государству, минуя этапы малого и среднего. В самом деле, правомерным ли будет считать, что сложное вожжество на о. Гавайи (самом большом на Гавайском архипелаге) численностью до ста тысяч человек (Johnson, Earle 2000: 285) стояло по уровню развития и сложности ниже упомянутых Классеном мельчайших таитянских государств или «номового» государства Ур, указанно-го выше? Совершенно очевидно, что нет. И, действительно, с приходом европейцев на Гавайском архипелаге образовалось уже государство среднего размера, то есть численностью в 160–300 тысяч человек или несколько больше, если опираться на оценку численности населения до контактов (Seaton 1978: 270; Johnson, Earle 2000: 284; Earle 1997; Ёрл 2002).

2. Таким образом, я пришел к выводу, что общество может трансформироваться в раннее государство:

1) как с **уровня** стадияльно догосударственного, например, путем синойкизма небольших общин. Такой путь отмечает Х. Дж. М. Классен со ссылкой на Коттака для бецилео на Мадагаскаре в начале XVII в. (Kottak 1980; Claessen 2000; Claessen 2004); такой способ был характерен также для греческих обществ (Кошеленко 1983: 36; также: Фролов 1986: 44), для Междуречья конца IV и III тыс. до н. э. (Дьяконов 1983: 110);

2) так и с уровнем аналогов малого государства (например, именно на таком уровне начиналась великая Монгольская империя Чингисхана [Kradin 1995: 137]);

3) с уровнем аналогов среднего государства (Гавайи);

4) и даже аналогов крупного государства (скифы в начале IV в. до н. э.). Известны и обратные метаморфозы от раннего государства к аналогу, хотя и более редкие (Коротаев 2000а; 2000б; Трепавлов 1995).

Все это значит, как уже сказано, что переход к государству в разных обществах осуществлялся не с одинакового, а с разных уровней социокультурной и политической сложности; и общество, достигая размеров и сложности, с которых переход к государству, в принципе, уже возможен, может продолжать развиваться, но при этом долго не создавать раннегосударственную политическую форму. Такие подходы позволяют полнее увидеть эволюционные альтернативы в политогенезе раннему государству как на любом уровне сложности и развитости государства, так и в плане соответствия его размерам.

Таким образом, раннее государство являлось лишь одной из многих форм организации сложных обществ, которая стала типичной и ведущей только в ходе длительного эволюционного отбора. Но очень важно не упустить и другое, что в конце концов именно государство оказалось ведущей политической формой организации обществ. Все же остальные, длительное время альтернативные ему,

в конце концов либо преобразовались в государство, либо исчезли, либо превратились в боковые или тупиковые виды⁶.

3. Аналоги раннего государства: классификация

3.1. Основная классификация

Следует учитывать, что приведенные ниже в примерах аналоги сильно отличаются друг от друга по развитости и размерам. Однако во всех случаях речь идет либо об унитарных полициях, либо об относительно прочных политических союзах с институционализированными механизмами объединения. Последние имели какие-то общие верховные органы и механизмы, поддерживающие политическую устойчивость, и представляли, по крайней мере с точки зрения иных обществ, некое постоянное единство. Народы, имеющие только культурное единство, а политически способные объединяться лишь кратковременно для определенных действий, вроде нуэров (см.: Рэдклиф-Браун 1985) или берберов⁷, нельзя считать аналогами раннего государства.

Все приведенные ниже примеры – это общества, население которых достигает по крайней мере нескольких тысяч человек. Однако население ряда описанных ниже аналогов составляет десятки, сотни тысяч и даже миллионы человек.

Все аналоги отличаются от ранних государств особенностями политического устройства и управления. Однако в каждом типе аналогов это проявляется по-разному. Например, в самоуправляющихся общинах недостаточно прослеживается отделение власти от населения; в конфедерациях налицо слабость централизации власти и т. п. Поэтому я старался классифицировать аналоги по особенностям их политической формы, хотя полностью провести этот принцип достаточно трудно. Можно выделить следующие типы и подтипы аналогов.

Во-первых, некоторые самоуправляющиеся общины и территории:

А) Городские и полисные.

Примерами таких самоуправляющихся городских общин являются города этрусков (о них еще будет сказано далее) и некоторые (но именно некоторые, а не все) греческие полисы⁸; гражданско-храмовые общины древней Южной Аравии (см.: Korotayev *et al.* 2000: 23; Коротаев 1997: 136–137; 2000б: 266). Одной из таких храмово-гражданских общин древней Южной Аравии можно считать Райбун (I тыс. до н. э.), который включал в себя комплекс храмов и сельскую территорию в обширном оазисе на площади до 15 кв. км (Frantsouzoff 2000: 259). Райбун обладал сакральным статусом также и в глазах своих соседей (там же: 264). Ведущую роль в делах общины имело жречество, среди которого было много женщин. По мнению С. Французова, в случае Райбуна мы имеем дело с альтернативой государственной системе, с развитием, которое вело к возникновению высокоорганизованной культуры, но без формирования политических институтов, отделенных от общества. Однако, что очень интересно, он считает, что такой

тип социальной организации мог существовать только в сравнительной изоляции от окружающих государств, и неумение вести войну и предопределило его падение в первом же серьезном конфликте с ними (Frantsouzoff 2000; Французов 2000). И этот момент влияния отсутствия войн на формирование особых политических форм прослеживается также и в некоторых других аналогах – в частности в Исландии.

Б) Достаточно крупные самоуправляющиеся **переселенческие** территории (вроде Исландии X–XIII вв.).

Исландия также дает нам интересный пример превращения малого аналога в более крупный, а также того, как рост объема и сложности общества постепенно все же переводит развитие аналогов к государственному пути. В конце XI века в Исландии насчитывалось примерно 4500 сельскохозяйственных дворов (Филатов 1965: 342), а население, вероятно, составляло где-то 20–30 тыс. человек. Оно затем сильно увеличилось и в XIII в. достигло 70–80 тыс. человек (Филатов 1965: 343)⁹. Соответственно изменилась и социальная структура общества. В начале XI в. было принято решение о разделе крупных земельных хозяйств знати (хавдингов) между фермерами (бондами), который завершился в середине XI столетия (Ольгейрссон 1957: 179–191). Таким образом, Исландия превратилась в общество фермеров-средняков. Однако через некоторое время вследствие роста населения число арендаторов («держателей») земли вновь стало увеличиваться, и в конце концов они начали составлять большинство населения. В результате уже в XII столетии имущественное и социальное неравенство вновь так усилилось, что стало влиять на трансформацию основных институтов исландского общества (Гуревич 1972: 8, 9; см. также: Хьяульмарссон 2003: 53–55). Усилению неравенства и изменению структуры общества в обществе также способствовало введение в самом конце XI века церковной десятины (Хьяульмарссон 2003: 50).

Необычайно ожесточились и кровавые раздоры, хотя ранее военные действия не были ни столь жестокими, ни столь массовыми (см., например: Стеблин-Каменский 1971: 78). В столкновениях подчас принимали участие не единицы или десятки людей, а сотни и даже тысячи. Причиной междоусобиц среди хавдингов все чаще была жажда добычи и власти (Гуревич 1972: 9). Таким образом, необходимый для формирования государства элемент социально-политического насилия, прежде в Исландии почти отсутствовавший, стал усиливаться, что, несомненно, способствовало движению общества именно к государственности.

В) Территории, на которых жили крупные группы различного рода изгоев, имеющие свои органы самоуправления и представляющие собой организованную и грозную военную силу, например донские и запорожские казаки¹⁰ и, если Гумилев прав, возможно, жужани¹¹.

Во-вторых, это некоторые большие племенные союзы, с достаточно сильной властью верховного вождя («короля», хана и т. п.):

А) Более или менее устойчивые союзы племен, этнически однородные или имеющие крепкое моноэтническое ядро.

Примером могут служить некоторые германские племенные объединения периода великого переселения народов (бургунды, салические франки, вестготы, остготы, вандалы и другие), которые насчитывали 80–150 тыс. населения (см., например: Бессмертный 1972: 40; Ле Гофф 1992: 33; Неусыхин 1968; Удальцова 1967: 654); союзы племен некоторых галльских народов, в частности в Бельгии и Аквитании (см.: Шкунаев 1989: 140).

Б) Очень крупные полities, возникшие в результате успешных войн (вроде гуннского союза Аттилы V в. н. э. [см.: Корсунский, Гюнтер 1984: 105–116], аварского каганата хана Баяна второй половины VI в. н. э.), но непрочные и этнически разнородные.

Близким к такому типу был союз во главе с готским вождем Германарихом в Северном Причерноморье в IV в. н. э., который состоял из многих разноязычных, чуждых друг другу племен, в том числе кочевых и земледельческих (Смирнов 1966б: 324). Даже среди самих готских племен не было достаточного единства и прочных внутренних связей (Буданова 1990: 133–136), в том числе из-за своеволия аристократии (Тиханова 1958). Но готы достигли более высокого уровня социальной стратификации и культуры, чем гунны и авары (Тиханова 1958), и они, как считает Зиньковская, стояли «между варварством и цивилизацией» (Zin'kovskaya 2004).

В) Промежуточным типом между аналогами, описанными в п. А и Б, могут служить союзы племен под руководством того или иного выдающегося лидера, состоящие из этнически близких народов, но не очень прочные, обычно распадающиеся после смерти лидера или даже при его жизни (как это случилось с союзом Маробода). В I в. до н. э. – II в. н. э., например, у германцев возникали крупные союзы: свевский союз Ариовиста, союз херусков Арминия, маркоманский союз Маробода, батавский союз Цивилиса и другие (см. о них: Неусыхин 1968: 601–602; Oosten 1996).

О масштабах некоторых образований можно судить по союзу Маробода (конец I в. до н. э. – начало I в. н. э.). Маробод объединил маркоманов с лугиями, мугилонами, готами и другими германскими народами и создал крупную армию по римскому образцу, насчитывающую 70 тыс. человек пехоты и 4 тыс. человек конницы (СИЭ 1966: 123). Маробод был разбит вождем херусского союза Арминием¹². Другими примерами подобных аналогов являются гето-дакский союз Бурбисты I в. до н. э. (см. о нем: Федоров, Полевой 1984) и объединение славянских племен Богемии и Моравии VII в. н. э., так называемое государство Само (см.: Loznu 1995: 86–87). Весьма интересно,

что его глава Само, по свидетельству хроники Фредегара и по мнению ряда ученых, был не славянином, а франкским купцом (СИЭ 1969в: 512–513. См. также: Ванчура 1991: 23–26).

К подобному типу следует отнести и различные (средних размеров) объединения кочевников под руководством одного лидера, иногда не переживающие смерти вождя, иногда имеющие короткие династии. Таким был, например, восточный (донской) союз половцев под руководством хана Кончака и его сына Юрия Кончаковича (см.: Плетнева 1966: 457–462)¹³.

Г) Крупные образования, которые удерживались в единстве в основном силой авторитета вождей, а не силой принуждения.

Например, доинкское вождество Лупака (XV в.) в Перу имело население более 150 тыс. человек и им управляли два верховных вождя без института принудительной силы, а специализированный и принудительный труд имел место, по сути, на основе взаимного согласия (Schaedel 1995: 52).

В-третьих, большие племенные союзы и конфедерации, в которых королевская власть отсутствовала:

А) Примерами таких племенных союзов без королевской власти могут служить саксы в Саксонии; эдуи, арверны, гельветы в Галлии. Причем необходимо особо подчеркнуть, что процессы социального и имущественного расслоения у них (особенно у галлов) зашли весьма далеко и опережали политическое развитие.

У саксов (в Саксонии) до их завоевания Карлом Великим королевская власть отсутствовала, но во главе племенных подразделений стояли герцоги. Общее военное командование осуществлял герцог, избранный по жребию (Колесницкий 1963: 186). Политическая организация всей территории осуществлялась в форме своеобразной федерации отдельных областей. Общие дела решались на собрании представителей областей в Маркло на Везере (Колесницкий 1963). Саксы (за исключением рабов) делились на три социальных слоя: родовую знать (эделингов-нобилей), свободных (фрилингов-liberi) и полусвободных литов. При этом существовали резкие различия в правовом статусе между нобиями и фрилингами (Неусыхин 1968: 608; СИЭ 1969а: 479), что было юридически закреплено в Саксонской правде. В первых двадцати статьях этого кодекса нобили выступают единственными носителями правовых норм (СИЭ 1969б: 475).

Галлия времен завоевания Юлием Цезарем была очень богатой территорией с огромным населением, по разным подсчетам, от 5 до 10 и более млн человек (Бродель 1995: 61–62), с большим количеством городов, развитыми торговлей и ремеслами. В Галлии в целом насчитывалось до тысячи «подлинных городов», население некоторых из них достигало десятков тысяч человек (Шкунаев 1989: 134, 143). Размеры некоторых городов достигали 100 и более га, и они были укреплены мощными стенами (см.: Филипп 1961: 116–129; Монгайт 1974: 248–253).

Социальное расслоение было велико (Clark, Piggott 1970: 310–328). По свидетельству Цезаря, простой народ был лишен политических прав, жил на положении рабов, а многие, страдая от долгов и обид, добровольно отдавались в рабство знатным (Галльская война VI, 13). В то же время знатные галлы имели по несколько сот, а самые знатные по несколько (до десяти) тысяч клиентов и зависимых людей, из которых они формировали конное войско, заменявшее всеобщее ополчение и, тем самым, противостоящее основной массе галлов (Бессмертный 1972: 17; Цезарь, Галльская война I, 4). Власть вождей слабела и переходила к выборным или назначенным магистратам (Chadwick 1987: 58). В аристократических без королевской власти *civitas* (так римляне называли галльские политии по аналогии с названием своей собственной) имелось вполне четкое военное единство, а механизмы принятия политических и иных решений реализовывались через посредство одного или нескольких выборных магистратов – вергобретов (Шкунаев 1989: 139, 140, 144). Однако привилегии аристократии были столь сильны, что она старалась свести политическую централизацию к нулю (см., например: Леру 2000: 123–127) и боялась возможности появления монархии, к которой тяготел народ. Страх перед монархией (поскольку кандидаты на престол во время войны обозначились) у аристократии отдельных народов галльских политий (например эдуев) был столь велик, что аристократы шли на сговор с римлянами (см. об этом: Штаерман 1951)¹⁴.

Численность отдельных племенных союзов и конфедераций была очень большой. Например, число гельветов, которые пытались в 58 г. до н. э. переселиться в Западную Галлию, по разным данным составляло от 250 тыс. до 400 тыс. (см., например: Шкунаев 1988: 503). Кроме того, среди крупных объединений выделялись своего рода гегемоны, от которых зависело много других племен. Как сообщает Цезарь (Галльская война VI, 11–12; см. также I, 31), одним из самых сильных народов в период перед вторжением римлян были эдуи, которые, победив своих соперников за влияние в Галлии секванов, приобрели гегемонию в Галлии и брали заложников у других племен для обеспечения их лояльности. Тем не менее во всех галльских общинах были сторонники как эдуев, так и секванов. Это несколько напоминает ситуацию в греческих полисах, жители которых делились на сторонников Афин и Спарты.

Б) Конфедерации различных по форме обществ, порой образующие весьма устойчивые и сильные с военной точки зрения политические образования. Например, конфедерации племен вроде ирокезов (см.: Морган 1983; Фентон 1978; Vorobyov 2000), туарегов (см.: Першиц 1968; см. также: Гринин 1997: 28), печенегов (см.: Marey 2000; а также: Васютин 2002: 95). Правда, тут уместно процитировать Хазанова, что большинство «федераций» и «конфедераций» (по крайней мере у кочевников) создавалось отнюдь не на добровольной основе (Хазанов 2002: 48).

В) Конфедерации городов, подобные этрусским конфедерациям. Сами этрусские города, в которых было олигархическое правление военно-служивой и жреческой знати (Неронова 1989: 376; Залесский 1959), скорее всего, не являлись государствами (насколько можно судить по скудным данным), а представляли собой аналоги малого государства¹⁵. Можно сравнить по эволюционному динамизму греческие и этрусские города. Первые смогли быстро создать военно-политический союз против Персии, а после победы над ней политическая жизнь Эллады вращалась вокруг борьбы двух крупных военно-политических объединений: Афинского морского и Пелопоннесского союзов. Этрусские же города, хотя и имели федерацию, но она была «преимущественно религиозным союзом» (см.: Неронова 1989: 379). И даже при римской угрозе этот союз не стал военно-политическим, что и явилось важнейшей причиной потери Этрурией независимости.

В известной мере аналогом среднего государства выступал и союз немецких городов – Ганза в XIII–XVI вв. Этот союз в период своего расцвета объединял около 160 городов (Подалаяк 2000: 125) и был способен выигрывать войны у Дании (см., например: Возгрин 1990).

Г) Автономные сельские территории, представляющие собой федерацию (или конфедерацию) сельских политически независимых общин, например, у горцев (см.: Kogotayev 1995)¹⁶. При этом низовые члены такого союза могут быть как в форме вожеств, так и безвожде-ских самоуправляемых общин, либо в иных формах.

Ярким примером такой конфедерации может служить Нагорный Дагестан (см.: Агларов 1988). Общины (джамааты), входившие в федерацию (так называемое «вольное общество»), иногда и сами по себе представляли весьма крупные поселения. Некоторые общины насчитывали до 1500 и более домов (см.: Агларов 1988), то есть были размером в небольшой полис, и имели многоуровневую (до пяти уровней) систему самоуправления (см.: Агларов 1988: 186). А федерация, иногда объединявшая по 13 и более сел, представляла собой политическую единицу в десятки тысяч человек, с еще более сложной организацией. Между семейными группами (тухумами) существовало социальное неравенство и различие в рангах (см.: Агларов 1988: 186). Другим примером служат группы деревень (village groups) в юго-восточной Нигерии, объединяющие нередко десятки деревень с общим населением в десятки (до 75) тысяч человек. Каждая такая группа деревень имеет собственное название, внутреннюю организацию и центральный рынок (McIntosh 1999a: 9).

Такие общества являются, по классификации Крамли (Crumley 1995; 2001; 2005), типичными гетерархиями. Она развивает в своих работах мысль о том, что помимо иерархически устроенных обществ можно говорить и о гетерархических, то есть таких, в которых реше-

ния принимаются иным способом: консенсусом, либо делегированием полномочий, либо сложными согласительными процедурами, либо организацией по определенным интересам и т. п., а структурные единицы обществ находятся между собой не в строгом подчинении, а в состоянии сотрудничества, союза и т. п. Так происходит в конфедерациях и федерациях, в объединениях общин и коммун. Гетерархиями она и некоторые другие авторы называют сложные общества, в которых нет единого центра и иерархической структуры, которая бы делала их более управляемыми и монолитными, в структуре которых взаимоотношение элементов не ранжировано, или они потенциально могут быть ранжированы различными способами (Ehrenreich, Crumley, Levy 1995: 3). Связи в гетерархиях в основном горизонтальные, решения принимаются на основе согласования между крупными единицами (общинами, различными корпорациями, союзами, профессиональными или религиозными объединениями и т. п.), на основе учета интересов, сложившихся традиций и механизмов и т. п. «Такие гетерархические общества могут быть достаточно сложными, и их можно обнаружить по всему миру», включая азиатские общества, такие, как сообщества качинов в Мьянме (Бирме) и многие африканские общества (Claessen 2004: 79; о гетерархиях см. также статью Д. М. Бондаренко в настоящем томе).

В-четвертых, это очень крупные и сильные в военном отношении объединения кочевников, «кочевые империи», внешне напоминавшие большие государства. Н. Н. Крадин определяет их как суперсложные вождества. Я считаю, что их можно рассматривать как аналоги раннего государства. «Кочевые империи» Внутренней Азии, по мнению Крадина, имели население до 1–1,5 млн чел. (Крадин 2001б: 127; 2001а: 79). К таким относится, например, «империя» хунну, образованная под властью шаньюя («императора») Моде в конце III до н. э. (Крадин 2001а), которая была настолько сильна, что китайцы сравнивали ее со Срединной империей (Гумилев 1993б: 53)¹⁷.

Мне также думается, что аналогом раннего государства можно считать и Скифию VI–V вв. до н. э. Это было крупное, иерархическое многоуровневое объединение с идеологией родового единства всего общества, с редистрибуцией (дань и повинности), обладающее военным единством. Скифия делилась на три царства во главе с царями, один из которых, по-видимому, был верховным правителем. Имеется также мнение, что в целом Скифия управлялась обособленным царским родом, который правил по принципам улусной системы (см.: Хазанов 1975: 196–199; 2002). Цари имели собственные военные дружины. У скифов выделялись сословие жрецов и аристократия. Последняя имела частные дружины воинов и большие богатства. Методы управления в Скифии, однако, оставались еще в основном традиционными, поэтому ранним государством ее считать нельзя, но и на обычное до-

государственное общество она никак не походит. В конце V – первой половине IV века до н. э. при царе Атее в Скифии происходит переход к раннему государству ([Мелюкова, Смирнов] 1966: 220). Этот царь устранил других царей, узурпировал власть и объединил всю страну от Меотиды (Азовского моря) до низовьев Дуная и даже стал продвигаться на запад за Дунай ([Мелюкова, Смирнов] 1966)¹⁸.

В-пятых, в связи с вышесказанным становится очевидно, что многие (и уж тем более очень крупные) сложные вождества можно считать аналогами раннего государства, поскольку по размерам, населенности и сложности они не уступают малым и даже средним государствам¹⁹.

Некоторые примеры таких сложных вождеств уже приводились выше. Можно упомянуть еще вождества на Гаити в конце XV – XVI в. Гаити в это время был, вероятно, наиболее густо заселенным островом среди других Больших Антильских островов (Александренков 1976: 143) и состоял из нескольких крупных вождеств, враждующих между собой. Среди множества вождей (касиков) испанцы выделяли несколько наиболее крупных, верховных. По некоторым сообщениям, каждый из четырех главных вождей имел в подчинении от 60 до 80 младших вождей, а Лас Касас даже сообщал, что под властью одного из верховных вождей Бехекио находилось около 200 касиков (Александренков 1976: 150–151). Иными словами, в любом случае это были весьма крупные политии, в которых имелась социальная стратификация (Александренков 1976: 148–151).

Но в качестве наиболее показательного примера крупных вождеств как аналогов раннего государства стоит взять гавайцев. Это особенно важно, учитывая, что при контакте с европейцами социальная организация на Гавайских островах была наиболее сложной из всех полинезийских вождеств и, возможно, даже из всех когда-либо известных вождеств (Earle 2000: 73; см. также: Johnson, Earle 2000: 284).

Как известно, гавайцы достигли значительных хозяйственных успехов, в частности в ирригации (см.: Earle 1997; 2000; Johnson, Earle 2000; Wittfogel 1957: 241), очень высокого уровня стратификации и аккумуляции прибавочного продукта элитой (Earle 1997; 2000; Johnson, Earle 2000; Sahlins 1972a; 1972b) – основательного идеологического обоснования привилегий высшего слоя. К моменту открытия их Джеймсом Куком здесь сложилась политическая система, когда сосуществовало несколько крупных вождеств, границы которых определялись отдельными островами: Кауайи, Оаху, Мауи, Гавайи (Ёрл 2002: 78). Войны были обычным явлением, хотя, по некоторым данным, за тридцать лет до прибытия Кука был заключен мирный договор между вождествами (Seaton 1978: 271). Правда, такие договоры не особенно соблюдались. В результате удачных или неудачных войн, браков и иных политических событий время от времени политии то увеличивались, то уменьшались в размерах, иногда вовсе распались, как это

вообще свойственно вождествам. Число жителей отдельных вождеств колебалось от 30 до 100 тыс. человек (Johnson, Earle 2000: 246). Вождества делились на районы от 4 до 25 тыс. человек (Harris 1995: 152). Таким образом, все условия для образования раннего государства в этих вождествах были: достаточная территория с разделением на районы и большое население, высокая степень социальной стратификации и значительный прибавочный продукт, сильная власть верховного вождя и жесткая иерархия власти, развитая идеология и территориальное деление, частые войны, а также и другое. Однако государства не было.

Тем не менее некоторые ученые (например: Seaton 1978: 270; Van Bakel 1996) считают, что на Гавайях раннее государство существовало еще до появления Кука. Но такие утверждения основаны, скорее, на предположениях, поскольку нет ни археологических данных, ни письменных источников, которые позволили бы решить, были ли эти политии (до открытия островов Куком) уже ранними государствами или высшими вождествами. Таким образом, многое зависит от того, что считать государством. Исходя из моего понимания, что есть раннее государство, я считаю правильным присоединиться к более распространенному мнению, что в тот момент (в конце XVIII в.) на Гавайях государства еще не было (см., например: Earle 1997; 2000; Harris 1995: 152; Johnson, Earle 2000; Sahlins 1972a; 1972b; Service 1975; Салинз 1999).

С позиции моей теории аргументировать это можно тем, что главный принцип построения политической организации власти в гавайских вождествах был жестко связан с родственной иерархией, которая основывалась на генеалогической близости к предкам, линиджу верховного вождя и к самому вождю. Линии старших братьев и сыновей считались более высокими. Таким образом, вся политическая и социальная иерархия строилась вокруг родственных отношений, а правящие слои представляли собой эндогамные касты (см., например: Earle 1997: 34–35; Service 1975: 152–154; Van Bakel 1996; Bellwood 1987: 98–99). Если обратиться к вышеприведенному определению раннего государства, то это ситуация не соответствует п. в), согласно которому *раннее государство – это организация власти, построенная (полностью или в большой части) не на принципе родства*. Словосочетание в «большой части» означает, что в ранних государствах существует заметная социальная мобильность при формировании и пополнении слоя администраторов (по крайней мере среднего слоя управленцев), которая в гавайских вождествах практически отсутствовала. А чем строже ограничения на вхождение в аппарат управления «со стороны», тем труднее политии перейти к собственно государственным методам управления (см.: Гринин 2001–2005; 2006а; Grinin 2004с: 110–111).

Ниже я формулирую и подробно разъясняю четыре главных отличия раннего государства от его аналогов: *особые свойства верховной*

власти; новые принципы управления; нетрадиционные и новые формы регулирования жизни; редистрибуция власти (то есть перераспределение власти в рамках общества в пользу центра). Гавайи им во многом не отвечали. Верховная власть там не была способна изменить главные социально-политические и идеологические отношения, принципы управления оставались традиционными – основанными на родственном и кастовом делении; новые формы регулирования жизни почти отсутствовали; перераспределение власти было только внешним, то есть в виде борьбы вождей за власть. В рамках же собственно вожества баланс власти оставался прежним²⁰.

В то же время величина и развитость гавайских вожеств и тем более вожества непосредственно на самом о. Гавайи дают основания считать их аналогами ранних государств. Для доказательства этого утверждения стоит сделать некоторые сравнения. Население этого самого крупного вожества Гавайского архипелага составляло сто тысяч человек (Johnson, Earle 2000: 285), что в **сто** раз превосходит численность населения типичных простых вожеств, подобных тем, какие, например, были на Тробрианских островах (Johnson, Earle 2000: 267–279). По мнению Джонсона и Ёрла, только число вождей на о. Гавайи могло доходить до **тысячи человек**, то есть равнялось всему количеству жителей одного тробрианского вожества (Johnson, Earle 2000: 291). Если же прибавить к числу вождей на о. Гавайи других представителей элиты (управляющих землями, жрецов, дружинников) и членов их семей, то, думается, численность элиты превысила бы число всех жителей самых мелких государств на Таити, население которых, согласно Классену, составляло 5 тыс. человек (Claessen 2002: 107). Таким образом, гавайские политии вполне сравнимы с ранними государствами и даже превосходят некоторые из них по размерам, населенности, социокультурной сложности, степени социальной стратификации и централизации власти. Все это доказывает, что гавайские сложные вожества необходимо считать аналогами малых и средних ранних государств.

В-шестых, политии, структуру которых едва можно точно описать вследствие недостатка данных, однако, с другой стороны, учитывая их размеры и уровень культуры, есть веские основания не считать ни догосударственными образованиями, ни государствами. Следует подчеркнуть, что о таких обществах многое утверждать наверняка невозможно. Это только гипотезы, которые приведены с целью показать, что очень часто общества называются государством без достаточных для этого оснований, просто исходя из того, что если оно уже очевидно не является догосударственным, то ничем иным, как государством, оно быть не может.

Индская, или Хараппская, цивилизация может служить примером данного типа. Эта огромная древняя цивилизация значительно превосходила размерами территории такие наиболее древние цивилизации,

как Египет и Месопотамия (Бонгард-Левин, Ильин 1969: 92). Большое число жителей жили в двух крупнейших городах, Хараппе и Мохенджо-Даро, причем последний, возможно имел население до 100 тыс. человек (Бонгард-Левин, Ильин 1969: 96–97; Вигасин 2000: 394). В Индской цивилизации существовала социальная стратификация. Были высоко развиты ремесла и торговля (Бонгард-Левин, Ильин 1969: 101–103; Possehl 1998: 289).

Таким образом, многие данные достаточно ясно говорят, что она представляла собой сложный социальный организм (или их группу). Но сказать что-то о ее социальной организации достаточно сложно (Массон 1989: 202–203). Состояла ли она из трех групп: жречества, основной массы и «рабочих», как предполагает Лал (Lal 1984: 61), – или там была иная социальная стратификация, неясно. Еще менее ясна политическая организация (Массон 1989: 203). Тут много разных предположений. Политический строй иногда определяют как миролюбивое, без царской власти и репрессивного аппарата общество религиозного толка, где главным было не насилие, а религиозное воздействие (Косамби 1968: 78), как торговую олигархию с наследственной властью, как империю с сильной централизованной властью, сосредоточенной в двух или трех столицах, с основной эксплуатируемой массой сельского населения (см. об этом: Щетенко 1979: 182).

Но такие представления сегодня подвергаются критике. Некоторые исследователи не без основания считают, что Индская цивилизация не была ранним государством. Но гораздо важнее, что в то же время она также не была и догосударственным обществом. Например, Шаффер утверждает, что Хараппская цивилизация не являлась догосударственной по своей форме, и полагает, что она не была и государством, а могла быть уникальной формой организации в том смысле, что в археологических, исторических или этнографических данных нет близкой параллели (см.: Possehl 1998: 283–285). Так, согласно Посселу (1998: 290), эта цивилизация была «примером древней социокультурной сложности без архаической государственной формы политической организации».

Также есть основания полагать, что политическая система была сегментированной и децентрализованной, а монарх отсутствовал (Possehl 1998: 289; см. также: Файрсервис 1986: 197). В частности, нет ярко выраженных признаков дворцового хозяйства. Также нет доказательств существования центрального правительства или бюрократии (это важно в свете господствующих идей о сильной империи – см. выше), что, как считает Поссел, дает повод предполагать, что более древняя «племенная» организация обладала политической властью в региональном контексте. Все это, конечно, не служит однозначным доказательством отсутствия государства, как отсутствие монарха не доказывает, что государства не было, например, в греческих полисах. Но то, что в этой цивилизации было всего два крупных города наряду с сотнями городков и

поселков, делает ее непохожей на систему греческих полисов. Имелись ли в политической структуре теократические элементы, характерные для ранней стадии развития государственного организма первых цивилизаций (см., например: Массон 1989: 203), трудно сказать. Но теократия не так уж хорошо сочетается с развитой торговлей и мореплаванием, да и структура этой цивилизации существенно непохожа на существование там многих автономных храмовых центров, как это было в Месопотамии.

Так или иначе, вся цивилизация в целом объединялась сильной хараппской идеологией, которая преодолевала разделяющие регионы политические границы, проникая в каждую отдельно взятую хараппскую семью. В частности, различные остатки культуры (керамика, украшения, статуэтки, изделия из металла и др.), которые находят на территории примерно в 1 млн км² в течение примерно 600 лет, свидетельствуют о наличии общего стиля, хотя и с существенными вариациями. В общую культуру также входят письменность, система весов и измерения, архитектурные стандарты (Possehl 1998: 289; см. также: Файрсервис 1986: 197).

Существовали и другие формы сплочения, такие как торговля (Альбедиль 1991: 56; Бонгард-Левин, Ильин 1969: 102–103; Possehl 1998: 289). Также можно предположить существование сильных временных союзов среди многочисленных групп (Possehl 1998: 288), хотя фактическая форма организации зрелой Хараппской цивилизации изучена еще недостаточно хорошо (Possehl 1998: 290). Существование контроля над водными ресурсами и управление ими в пределах поселений – отличительная черта многих хараппских поселений. Эти люди также были отважными мореплавателями (Possehl 1998: 288).

Таким образом, есть серьезные основания предположить, что **Индская цивилизация была специфическим типом аналога раннего государства**. И в любом случае я полностью согласен с заключением Поссела, что «то, что мы узнали благодаря недавним исследованиям Хараппской цивилизации, это что древние цивилизации, или сложные общества, намного более разнообразны по форме и организации, чем способны отразить типологические схемы традиционной однолинейной эволюции» (Possehl 1998: 291). Тем не менее, как мы видим, не только древние цивилизации, но и различные другие сложные общества самых разных эпох демонстрируют разнообразие социополитических форм и альтернативность процесса формирования государства.

В-седьмых, иные формы аналогов. Здесь могли быть самые неожиданные формы, например то, что можно назвать корпоративно-территориальной.

Так, например, в начале II тыс. до н. э. в Малой Азии сложился своеобразный союз (община) торговцев с центром в городе Канише (территория современной восточной Турции), который имел своеобразную конституцию, самоуправление и органы управления, суд, каз-

ну, целую цепь факторий на протяжении торгового пути, связывающего Переднюю Азию со Средиземным и Эгейским морями. Но главное, он был независим ни от какой политической власти и выступал как субъект международного права (Гиоргадзе 1989; см. также: Гиоргадзе 2000: 113–114; Янковская 1989: 181–182)²¹.

Следует указать, что некоторые авторы относят к альтернативным раннему государству формам и другие типы обществ²².

3.2. Другие классификации

Классификация аналогов по формам их политического устройства, которую я представил выше, бесспорно, не является единственной. И поскольку аналоги ранних государств очень сильно отличаются друг от друга, я разработал также их классификации по другим основаниям (см. также: Гринин 2001–2005; 2006а).

Во-первых, аналоги можно разделить по степени структурного и организационно-административного сходства с ранними государствами. Здесь следует использовать два критерия: степень похожести аналогов на ранние государства; степень развитости в аналогах политической и социальной сфер.

С одной стороны, государства и аналоги различаются между собой особенностями политической организации, причем амплитуда этих различий очень велика. Следовательно, важно установить, насколько тот или иной аналог приближается в этом смысле к государствам. С другой стороны, в раннегосударственном обществе обычно имеется и заметное имущественное неравенство, и, так или иначе, выражены социальные противоречия. Последние, конечно, не всегда имеют характер классовых или позднесловных отношений, но, как правило, общество уже разделено по крайней мере на два (а обычно и больше) ясно выраженных слоя или формирующихся класса, а именно: управителей и управляемых. Классен и Скальник особенно подчеркивали эту характеристику раннего государства (см.: Claessen, Skalnik 1978с: 640; Claessen 2004: 74).

Однако, как уже говорилось, это не является эксклюзивным признаком только государства, а характерно и для многих аналогов. При этом в некоторых аналогах (например в ряде обществ Полинезии) преодолеть социальные перегородки оказывалось даже труднее, чем в иных ранних государствах²³. Это частично объясняется тем, что для образования и развития государства требуется смена элит (в частности, для формирования аппарата чиновников или армии нового типа).

Вариант классификации А.

Аналоги могут быть разделены на несколько групп по развитости политической и социальной сфер, а также по сходству политического развития с ранними государствами.

1) Неполные аналоги.

Не во всех аналогах, примеры которых были даны, есть достаточная степень социальной стратификации, действительно сравнимой с раннегосударственной. В частности, у ирокезов она отсутствовала или

была слабо выражена. Именно поэтому я сделал оговорку о том, что аналоги находятся на одном уровне социокультурного **и/или** политического развития с раннегосударственными обществами. Аналоги, которые можно сравнить с государством только по размерам и по степени политического и военного влияния, но не по уровню социокультурного развития, можно назвать **неполными** аналогами. Иными словами, сами автономные структурные части этих аналогов, то есть племена или вождества, по уровню своего развития еще представляют стадияльно догосударственные общества, в которых недостаточна социальная и имущественная дифференциация. Но, объединившись в рамках конфедерации, если она не является временным союзом или блоком, достаточно крепка, имеет определенные общесоюзные политические институты, они уже представляют образование, в отдельных аспектах сравнимое с ранним государством. Такие аналоги чаще всего возникают под действием внешней обстановки (или необходимости ей адекватно отвечать, или при попытках получить преимущества перед другими). Но при удаче они начинают образовывать уже и единую этническую общность, как это видно у ирокезов (см.: Воробьев 2002: 159).

В Северной Америке был целый ряд таких конфедераций, некоторые из них имели достаточно большую численность: например, конфедерация криков, оформившаяся в начале XVIII в., к концу этого века насчитывала 25 тыс. чел., гуронский союз из пяти племен в XVI в. – 30 тыс. чел. (Логинов 1988: 233; Тишков 1988: 148). Но наиболее ярким примером такого **неполного** аналога являются ирокезы. Социальная и имущественная дифференциация у них была слаба (см., например: Воробьев 2002: 159), хотя и есть некоторые свидетельства о социальном неравенстве в их обществе (см., например: Аверкиева 1973: 54). Но по развитости политической организации (с институционализацией отдельных ее моментов и сложной процедурой) и по военной мощи они выделялись²⁴. Возможно, это и вводит иногда в заблуждение некоторых исследователей, которые считают эту конфедерацию государством (например: Флюер-Лоббан 1990: 78). Надо также указать, что, помимо полноправных членов конфедерации, в ней были и неполноправные, «младшие» (делавары, часть гуронов, шауни, некоторые нейтральные племена), которые выплачивали ирокезам дань (см.: Куббель 1988: 229).

2) Полные аналоги.

Соответственно те аналоги, которые сравнимы с государством по уровню и политического, и социального развития, будут полными аналогами.

3) Социальные и политические аналоги.

В свою очередь, полные аналоги могут делиться на те, в которых больше развита социальная или политическая сфера. Первые можно назвать **социальными** аналогами, вторые – **политическими**. К соци-

альным относятся такие, как саксы, галлы; к политическим – хунну, гунны и другие.

4) Комплексные аналоги.

Можно выделить и такие аналоги, в которых и политическая, и социальная сферы были хорошо развиты, и которые, кроме того, во многом были схожи с государством по своему устройству, характеру высшей власти и т. п. Такие аналоги я бы назвал **комплексными**. Примером могут служить сложные гавайские вожества.

Вариант классификации Б.

Аналоги можно классифицировать по тому, являются ли они одним обществом или группой тесно связанных обществ.

Другими словами, могут быть **унитарные и составные аналоги**. Речь не идет об этнической гомогенности либо о полнейшей унитарности образования. Речь идет о том, руководятся ли аналоги одной волей, достаточно авторитарной (неважно, монарх ли это или коллективный орган вроде римского сената), либо составляющие единицы аналога во многом автономны, а их мнение должно обязательно быть учтено, поскольку для принятия решения необходимо добиваться того или иного консенсуса. Те же ирокезы, а также туареги, печенег, конфедерации общин и городов и другие являются примерами составных аналогов. А гавайские вожества, германские союзы во главе с королями; военно-захватнические политии (вроде гуннской или аварской «империи»); исландская демократия – унитарными.

Вариант классификации В.

Аналоги могут различаться по степени развитости, то есть, используя классификацию Классена и Скальника, могут быть **аналоги зачаточного, типичного и переходного ранних государств** (Claessen and Skalnik 1978b: 22–23; 1978c: 640; Claessen 1978: 589). Критериями для нашего случая, я полагаю, могут быть, в частности, такие: насколько аналог был способен выполнять функции типичного или переходного государства во внутреннем управлении; насколько глубоко зашли процессы социальной стратификации; насколько важную роль стали играть новые отношения.

Большинство аналогов соответствует уровню зачаточного государства. Примерами аналогов типичного государства, возможно, являются наиболее развитые галльские политии. Можно также применить прием, указанный выше. Некоторые аналоги выступают как аналогичные типичному государству только в отдельных направлениях, например внешней политике, военном деле (иногда в торговле). Мне кажется, такими являются очень крупные аналоги²⁵. Как справедливо указывал Хазанов, хотя кочевники могли казаться оседлым современникам варварами, но эти «варвары» были довольно изощренными в политическом отношении (Хазанов 2002: 54). Было замечено, что размеры, мощь и уровень сложности в реализации внешнеполитических функций у объ-

единений (империй) кочевников тесно коррелируют с размерами, мощностью и уровнем политической культуры и деятельности государств, с которыми номады постоянно контактировали. Соответственно некоторые кочевые соседи таких государств, как Китай, вполне могут рассматриваться как неполные аналоги типичного раннего государства.

Найти примеры аналога переходного раннего государства достаточно сложно. Я считаю, это связано с тем, что на этом этапе эволюционные преимущественно государства перед аналогами проявляются уже настолько ясно, что иные политогенетические пути начинают терять свое значение. Аналоги могут еще в определенных отношениях (в частности в военном) конкурировать с такими государствами, но уже не могут открыть путь к развитию цивилизации. А при военной победе над государственным обществом аналоги просто начинают перестраиваться по его меркам.

Возможно, если бы развитие галльских политий не было прервано насильственно, то они – особенно при заимствовании письменности – могли бы выйти на уровень такого аналога переходного государства и затем трансформироваться уже в собственно государство. Это предположение основывается на том, что, как уже было сказано выше, среди галльских цивилизаций выделялись такие, как эдуи, которые приобрели «главенство над всей Галлией» (см.: Цезарь, Галльская война VI, 11–12; см. также: I, 31), а следовательно, вполне могли объединить ее всю или в значительной части. А такое объединение обычно ведет уже к образованию крупного государства. Объединение могло произойти и с помощью германских племен. Ведь, как известно, потерпевшие поражение от эдуев секваны призвали на помощь германцев (свевов и других) во главе с Ариовистом. А тот не только успешно разгромил эдуев, но и начал поработать самих секванов. Эти события и позволили римлянам вмешаться в дела галлов (там же: I, 31–44).

Завершая разговор о классификациях аналогов, вновь хочу напомнить: нельзя забывать, что **все-таки именно государство оказалось ведущей политической формой организации обществ**. Все же остальные, длительное время альтернативные ему, в конце концов либо преобразовались в государство, либо исчезли, либо превратились в боковые или тупиковые виды.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. АНАЛИЗ ПРИЗНАКОВ РАННЕГО ГОСУДАРСТВА В СРАВНЕНИИ ЕГО С АНАЛОГАМИ

1. Проблема размеров раннего государства.

Сравнение размеров раннего государства и его аналогов

Вопрос о размерах аналогов раннего государства приобретает очень важное значение. Есть прямая зависимость: чем больше населения в политике, тем выше (при прочих равных условиях) сложность устройства общества, поскольку новые объемы населения и территории могут требовать новых уровней иерархии и управления, и, наоборот, но-

вые уровни увеличивают возможности политики и ее объемы (см., например: Carneiro 1967; Feinman 1998; Johnson, Earle 2000: 2, 181; Джонсон 1986). Но раз аналоги сравниваются с ранним государством, то необходимо посмотреть, какие размеры считаются минимально необходимыми для ранних государств. Однако по данному вопросу единого мнения нет, мало того, здесь гораздо меньше согласия, чем можно было бы этого ожидать (Feinman 1998: 97; см. также: Chabal *et al.* 2004: 55). Представления о минимальных размерах, необходимых для государства, колеблются от 2–3 тысяч до сотен тысяч человек населения (подробнее см., например: Feinman 1998: 97–99). Такой разброс не в последнюю очередь объясняется именно тем, что ученые пытаются выстроить четкую однолинейную схему: «догосударственные политики – государства». А в эту схему не вписываются крупные и вроде бы догосударственные общества, в частности большие и сложные вождества, конфедерации и прочие. Ведь, как мы уже видели, уровень стадияльно догосударственного общества политики минуют в разных формах, среди которых примитивная раннегосударственная малого государства – только одна из возможных.

Чтобы сохранить однолинейную схему и ее внешне стройную концепцию, исследователи определенно грешат против фактов. Например, некоторые выстраивают такую шкалу: простое вождество – население в тысячи человек; сложное вождество – десятки тысяч человек; государство – сотни тысяч и миллионы человек (Johnson, Earle 2000: 246, 304; Васильев 1983: 45). При этом получается внешне стройная и безупречная линия уровней культурной эволюции: семья (семейная группа), локальная группа, коллективы во главе с бигменами, вождество, сложное вождество, архаическое государство, национальное государство (Johnson, Earle 2000: 245).

Для построения схемы эволюции развития человечества в целом такая линия может быть принята (и то с оговорками). Но для исследования политогенеза и раннего государства в частности она не годится. Ведь в ней полностью проигнорированы государства с населением от нескольких тысяч до 100 тысяч человек, которые есть даже и сегодня (например Науру, Кирибати), а в древности и средневековье их было гораздо больше. В то же время высказываются также мнения, если и не бесспорные, то заслуживающие внимания, что первые государства (имеются в виду первичные, по определению Фрида, государства) всегда и всюду бывают мелкими, охватывая одну территориальную общину или несколько связанных между собой общин (Дьяконов 2000а: 34). А Саутхолл (2000: 134, 135) считает, что самые ранние государства были городами-государствами, причем небольшими, площадью в 10 или даже менее гектаров, что, естественно, предполагает небольшое число жителей, даже если добавить к этому какую-то сельскую округу. Мне также представляется оправданной точка зрения

Классена, который считает, что для образования государства в политике должно быть не менее нескольких тысяч человек (Claessen 2004: 77). Следовательно, в этом плане ранние государства с населением от нескольких тысяч до 100–200 тысяч человек имеют особый интерес для исследователей генезиса государства.

Но не менее важна и нижняя граница, поскольку имеется также тенденция занижать эту нижнюю планку необходимого для государства населения, фактически не делая решительных различий между небольшим вождеством из нескольких деревень и ранним государством²⁶. Иногда применяют такую шкалу: «минимальное государство» – от 1,5 до 10 тыс. чел.; «малое государство» – от 10 до 100 тыс., «государство» – более 100 тыс. (см. об этом, например: Флюер-Лоббан 1990: 79).

С одной стороны, здесь верно учтено, что 100 тыс. – это уже «нормальный» размер для полноценного некрупного раннего государства. Но нижняя шкала, думается, опущена слишком низко. Полторы тысячи человек реально может быть населением государства только в условиях достаточной развитости государственности, наличия многих более крупных соседей, возможности использовать их культурные и иные достижения беспрепятственно, как это было, например, в Древней Греции.

Хотя, как сказано выше, Классен считает, что для образования государства нужно население в несколько тысяч человек, сам он также склонен занижать нижнюю границу. Так, он пишет, что самые малые государства на Таити имели население не менее 5000 человек (Claessen 2004: 77). Но это, конечно, самый-самый нижний предел для раннего государства. Это пограничная зона, поскольку и стадияльно догосударственные политики могут иметь такое и даже большее население. Особенно если речь идет о переходном периоде, когда догосударственное общество уже почти созрело к тому, чтобы перейти этот рубеж. С таким населением раннее государство появиться может, но для этого нужны особо благоприятные условия, чаще всего наличие рядом других государств.

Таким образом, нижней границей необходимого населения для образования и функционирования малых государств можно считать 5–10 тыс. При этом для образования малого государства нередко требуется больше населения, чем для его жизнедеятельности, поскольку нередко позже такое государство может распаться или разделиться.

Посмотрим, однако, на некоторые факты, касающиеся численности жителей малых ранних государств. Дьяконов приводит интересные данные о предполагаемом населении городов-государств Двуречья («номовых» государств, как он их называет) в III тыс. до н. э. Население всей округи Ура (площадью 90 кв. км.) в XXVIII–XXVII вв. до н. э. составляло предположительно 6 тыс. человек, из них 2/3 в самом Уре. Население «нома» Шуруппак в XXVII–XXVI вв. до н. э. мог-

ло составлять 15–20 тыс. Население Лагаша в XXV–XXIV вв. до н. э. приближалось к 100 тыс. человек (Дьяконов 1983: 167, 174, 203).

Можно привести и другие примеры. Размер **типичного** города-государства в Центральной Мексике накануне испанского завоевания составлял 15–30 тыс. человек (Гуляев 1986: 84). А население одного из крупных государств майя I тыс. н. э. – города Тикаля с округой составляло 45 тыс. человек (в том числе 12 тыс. в самом городе), а площадь его равнялась 160 кв. км. (Гуляев 1977: 24). Население в 40–50 тыс. предположительно могло быть в раннем государстве периода 100 г. до н. э. – 250 г. н. э. в Монте-Албане в долине Оахака в Мексике (Kowalewski *et al.* 1995: 96).

Если в V в. до н. э. население даже таких крупных городов в Греции, как Спарта, Аргос, Фивы, Мегары, составляло от 25 до 35 тыс. человек (Машкин 1956: 241), значит, даже с учетом сельских жителей население многих греческих государств (исключая, конечно, такие, как Афины, Коринф, Сиракузы) находилось в интервале нескольких десятков тысяч человек. А в более раннюю эпоху оно, видимо, было и того меньше. Для примера можно привести сведения об известном причерноморском полисе Ольвия. Население этого города даже в эпоху его расцвета (V–IV вв. до н. э.) вряд ли превышало 15 тыс. человек (Шелов 1966: 236). Население самых крупных городов Северной Италии (с округой они представляли города-государства), таких как Милан и Венеция, в XII–XV вв. едва ли превышало 200 тыс. человек (Баткин 1970: 252; Бернадская 1970: 329; см. также: Луццатто 1954: 283). Население большинства других городов-государств было существенно меньше. Население Пизы, весьма богатого и политически активного города, в 1164 г. было всего 11 тыс. человек. Быстрый рост города увеличил население вчетверо, однако все равно оно едва достигало в 1233 г. 50 тыс. человек (Баткин 1970: 208). Примерно таким же (50–60 тыс.) было и население Флоренции в XIV в. (Рутенбург 1987: 74, 112). Население менее известного маленького государства Сан-Джаминьяно в начале XIV в. равнялось 14 тыс. человек (Баткин 1970: 261). Даже сравнительно крупные государства имели не слишком большое население, например, Великая Моравия в конце IX – начале X в. при территории в 40 тыс. кв. км (большей, чем современная Бельгия) имела где-то 300 тыс. жителей (Гавлик 1985: 97).

Наряду с такими небольшими государствами были, конечно, средние и крупные, иногда с населением во многие миллионы²⁷.

Таким образом, различия в численности населения (и соответственно сложности устройства) ранних государств можно условно отразить в следующей схеме:

малое раннее государство – от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч человек;

среднее раннее государство – от нескольких десятков до нескольких сотен тысяч;

крупное раннее государство – от нескольких сот до 2–3 миллионов;

очень крупное раннее государство – свыше 3 миллионов человек.

Соответственно и аналоги раннего государства надо подразделить на:

аналоги малого раннего государства;

аналоги среднего раннего государства;

аналоги крупного раннего государства.

Должно быть очевидным, что аналоги раннего, среднего и крупного государств заметно отличаются друг от друга. Соотношение размеров ранних государств и их аналогов см. в таблице.

Критическим для аналога раннего государства можно считать размер в несколько сот тысяч человек. Это, вероятно, уже предел, за которым такая полития или разваливается, или трансформируется в государство. Поэтому аналоги крупного государства очень редки. Из нижеприведенных примеров это только некоторые объединения кочевников. Население этих суперкрупных вожеств, даже по самым оптимистическим подсчетам, никогда не превышало 1,5 млн человек (Крадин 2001б: 127; 2001а: 79)²⁸. Следовательно, такие аналоги соответствуют только малым из крупных государств. Аналогов же очень крупного раннего государства, я думаю, просто не могло быть, либо это были очень непрочные образования.

Таблица

Типы ранних государств и аналогов ранних государств

Размер политии	Тип раннего государства и примеры	Тип аналогов раннего государства и примеры
1	2	3
От нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч человек	Малое раннее государство (Ур в XVIII–XVII в. до н. э.)	Аналог малого раннего государства (Исландия в XI в.)
От нескольких десятков тысяч до нескольких сотен тысяч человек	Среднее раннее государство (Гавайи в XIX в.)	Аналог среднего раннего государства (эдуи, арверны, гельветы в Галлии до Цезаря)
От нескольких сотен тысяч до 3 млн человек	Крупное раннее государство (большое раннее государство в Польше в XI–XIV вв. ²⁹)	Аналог крупного раннего государства (хунну 200 до н. э. – 48 н. э.)
Свыше 3 млн человек	Очень крупное раннее государство (Римская республика II в. до н. э.; империя Инков)	Устойчивых аналогов очень крупного раннего государства не существует

2. Общая характеристика специфических признаков раннего государства

Таким образом, мы рассмотрели многочисленные политии, по размерам, сложности и ряду других параметров находящиеся на одном уровне развития со многими ранними государствами и в то же время существенно превосходящие типичные догосударственные образования (вроде простых вожеств, племен, общин). Это доказывает, что главные различия между ранними государствами и их аналогами не в размерах и уровне сложности, а в особенностях политического устройства и способах управления обществом, а поэтому для отличения раннего государства от его аналогов требуются иные критерии. Этим критериям и будет посвящена оставшаяся часть статьи.

Для различения раннего государства и его аналогов я вывел четыре признака, которые назвал так:

1. **Особые свойства верховной власти.**
2. **Новые принципы управления.**
3. **Нетрадиционные и новые формы регулирования жизни общества.**
4. **Редистрибуция власти.**

Прежде чем они будут раскрыты и охарактеризованы, следует сделать несколько пояснений.

I. Эти признаки представляют систему. Каждый из них во многом дополняет и объясняет другие. Поэтому они в известной мере перекрывают друг друга. Но, конечно, в каждом раннем государстве эти признаки развиваются не равномерно, и одни оказываются развитее других.

II. Каждый из этих признаков в той или иной мере должен присутствовать в каждом раннем государстве. А их совокупность дает достаточно точную возможность, чтобы определить, раннее государство перед нами или его аналог. Каждый признак обязательно показывает отличия раннего государства от каких-то аналогов, в которых его нет. Но наличие только отдельных признаков не является стопроцентным критерием раннего государства, так как эти признаки могут встречаться и в некоторых аналогах, однако не в системе. **Таким образом, признаки раннего государства, отличающие его от аналогов, должны рассматриваться в совокупности, поскольку нет аналогов, которые бы обладали всеми перечисленными признаками.**

III. Признаки эти достаточно абстрактны, что видно из самих названий (*новые принципы, особые свойства, новые формы*). Я считаю, что для решения поставленной задачи – найти отличия раннего государства от аналогов – такие широкие обобщения наиболее продуктивны по следующим причинам:

– Они отражают факт, что в каждом раннем государстве в рамках этих признаков преобладали те или иные более узкие направления.

Ведь понятно, что ни в одном раннем государстве не могли сразу появиться все новые принципы и формы, а только некоторые из них.

– Выделенные мной признаки позволяют объединить в них многие из тех моментов, на которые указывали различные исследователи как на критерии раннего государства. Например, дифференциация и специализация власти и способность к ее делегированию, а также появление аппарата управления включены в признак *новые принципы управления*.

3. Особые свойства верховной власти

Для исследования процесса формирования государства анализ его верховной (центральной) власти представляется исключительно важным. На единый центр как на важнейший признак государства указывают и различные исследователи (Claessen 1978a: 586–588; Claessen, Oosten 1996: 2; Claessen, van de Velde 1987a: 16; Ember C. R., Ember M. 1999: 158, 380; Fortes, Evans-Pritchard 1987/1940; Haas 2001: 235; Spencer 2000: 157 etc.; см. также: Гринин 2000a; 2001–2005; 2006a; Grinin 2002a; 2003; 2004a; 2004b; 2004c). Но понятно, что «центром» централизованного общества «не всегда будет определенная персона – лидер или правитель, обладающий высшей властью» (Haas 2001: 235). Иными словами, верховную власть можно трактовать более или менее широко. В узком плане – это монарх, президент, народное собрание и т. п. В широком – это совокупность органов и людей, осуществляющих высшую власть из постоянного или временного центра. Ведь ни монарх, ни народное собрание без определенного числа помощников и исполнителей, естественно, управлять не в состоянии. В настоящей работе я буду употреблять этот термин в широком смысле.

Разумеется, раннее государство нельзя редуцировать только к его центру и верховной власти. Но невозможно и отрицать, что именно в результате взаимодействия центра и периферии в одних случаях или в результате борьбы конкурирующих между собой центров за верховенство в других и создается новая структура общества, постепенно ведущая к тому, чтобы оно стало государственным. Отношения внутри верховной власти часто становятся важнейшими в политической системе государства, даже судьбоносными для него.

Далее раскрываются несколько важных характеристик верховной власти в раннем государстве.

• Достаточная сила верховной власти

В раннем государстве верховная власть приобретает некоторые черты, не свойственные не только догосударственным, но и негосударственным образованиям, даже тем, где реальная власть вождя и его окружения весьма велика.

В раннем государстве верховная власть чаще более сильная и более централизованная, чем в аналогах³⁰. «Главная характеристика, которая отличает государство от других форм социальной организации, –

это политическое господство, легитимная сила навязывать решения» (Claessen, Skalnik 1981a: 487; см. также: Service 1975: 154).

Достаточная сила верховной власти отличает ранние государства от тех аналогов, в которых она формальна, слаба или отсутствует. А также от тех, где главная задача верховной власти – сохранить единство и консенсус, типа конфедераций³¹ и более сложных обществ, например, галльских вождей и городов (см.: Леру 2000: 123–127), а также гетерархий (Crumley 2001).

От аналогов с более сильной верховной властью раннее государство отличается, прежде всего, большей систематичностью и активностью центра в отношении подвластной ему территории. Разумеется, многие области жизни почти не затрагиваются ранним государством. Но в отличие от многих аналогов его влияние на подвластные ему территорию и население, хотя бы в отдельных важных направлениях, становится систематическим, а не эпизодическим.

Достаточная сила верховной власти, в принципе, должна обеспечивать территориальную целостность государства. Способность противостоять распадным процессам и тенденциям Р. Коэн особо подчеркивал как критерий государства (Cohen 1981: 87–88; Gledhill 1994: 41). Однако распад весьма часто случался и в ранних государствах, но эту проблему мы затронем несколько дальше.

• Способность к переменам

Еще один показатель силы верховной власти заключается в том, что она должна быть способна производить существенные изменения в данном обществе и расширять сферу властного регулирования. Конечно, была масса сдерживающих факторов для перемен, но тем не менее способность к ним по сравнению с аналогами увеличилась.

Такая способность объясняется уже тем, что раннее государство как бы генетически носит на себе отпечаток крупных (иногда и крутых) перемен. Ведь государства, как уже сказано выше, чаще всего создаются в особых условиях, в том числе каких-то кризисов, решительного несоответствия старых способов управления важным задачам, которые нельзя игнорировать; гражданского противостояния; искусственной концентрации населения или его резкого роста; ослабления или дискредитации власти в условиях сложных задач; завоевания или военного объединения и т. п. (см. подробнее: Гринин 2001–2005; 2006а; Гринин 2003; 2004с; см. также: Классен 2006). Сервис даже считает, что, когда теократическое вождество становится государством, это обычно происходит в состоянии потрясений в обществе (Service 1975: 157–158). При этом иногда открывается большой простор для изменений. Например, правители ранних тираний в Греции порой довольно круто ограничивали не только влияние, но и частную жизнь знати и проводили важные реформы. И поэтому некоторые из них, «несмотря на весь свой тиранический эгоизм, а в некотором смысле и

благодаря ему, заложили основы будущего полиса» (Берве 1997: 37). Можно вспомнить и реформы Монтесумы II в начале XVI в. в империи ацтеков, который сократил численность знати, запретил многим из них под предлогом сомнительного происхождения доступ к государственной службе и отменил их привилегии (Kurtz 1978: 176).

Когда государство образуется на базе сложных вожеств с сильной властью вождя, власть нового «короля» может стать еще более сильной и непререкаемой. Так, в частности, было на Гавайском архипелаге, где объединивший в начале XIX в. все острова Камехамеха I истребил часть местной знати, передал власть от местных династий на островах своим родственникам и приближенным, провел перераспределение земель на покоренных территориях (Тумаркин 1964: 88–90; 1971: 21) и, используя европейскую помощь, создал постоянную в несколько тысяч человек армию с огнестрельным оружием и пушками, а также военный флот из 60 палубных ботов, нескольких бригав и шхун, построил форты (Тумаркин 1964: 102–103; 1971: 20). Его сын, принявший тронное имя Камехамеха II, вместе с приближенными отверг ряд наиболее уважаемых табу, поскольку, имея армию с огнестрельным оружием, он, вероятно, полагал, что уже меньше нуждается в сакральной поддержке небес (см.: Service 1975: 155–157). С другой стороны, такие нарушения могли внушать еще большее почтение к могуществу короля. Таким образом, в первые десятилетия XIX в. политическое и социальное устройство гавайского общества быстро менялось (Ёрл 2002: 79).

В молодых монархических государствах нередко правители, почувствовавшие себя всевластными, переставали считаться с различными советами, собраниями и традициями и за десяток-другой лет проводили больше реформ, чем их делалось за предыдущие 100–200 лет. А ликвидация власти вождя или царя, а затем и ограничение влияния аристократии в демократических полисах давало почти неограниченную власть демократическим органам, которые могли иногда принимать исключительно интересные решения.

• Полнота функций верховной власти

Чем больше функций выполняет государство, тем больше это, в принципе, говорит о росте государственности³². Но поскольку объем функций в каждом государстве во многом зависит от конкретных условий (в частности от того, организует ли государство производство или нет), то нужно установить хотя бы факт **достаточной полноты функций** верховной власти. При этом государство должно выполнять как **функции внутреннего регулирования** (объединительную и карательную, высшего арбитра, судебную и посредническую, фискальную, организационную, контрольную, сакральную), так и **внешние** (обороны или военного грабежа, поддержания суверенитета и удержания в орбите своего влияния союзников, внешней торговли

и внешних сношений). Это отличает ранние государства от тех аналогов, где внутреннее управление слабо (держится на традициях), а внешнеполитическая функция довольно развита, вроде конфедераций племен и городских общин, а также крупных политических объединений кочевников (например хунну) и т. п., в которых верховная власть, не вмешиваясь во внутреннее управление, могла контролировать внешнюю торговлю и военные акции (Крадин 1992; 2001а; 2002; Гумилев 1993б). Ибо если внутри общества можно пытаться решать проблемы старыми методами, то вне его очень часто это невозможно.

4. Новые принципы управления

С усложнением общества и наращиванием в нем новых этажей власти неизбежно возникает какое-то движение в сторону разделения труда в управлении. Однако в аналогах раннего государства такое разделение базируется на старых (родовых, сакральных, самоуправления и других) принципах, отчего не превращается в саморазвивающуюся систему, ведущую к постоянной дифференциации функций.

В раннем государстве появляются новые принципы разделения труда по управлению обществом. Наиболее важными из них являются: **делегирование власти; новое разделение функций (отделение исполнения от решений); изменения в комплектовании кадров управления; рост значения новых типов управленцев; появление властных вертикалей** – и некоторые другие, также связанные с дифференциацией функций, отраслевым характером управления, разделением властей, но менее универсальные, то есть встречающиеся только в отдельных ранних государствах. Постепенно принципы разделения управленческого труда стали и **новыми принципами управления обществом.** Но каждый из них в конкретных государствах реализовывался не полностью, а фрагментарно, сочетаясь с традиционными и догосударственными отношениями.

В числе новых принципов управления обществом, конечно, надо отметить и **бюрократизацию управления.** Но, несмотря на его большую эволюционную будущность, очень важно обратить внимание, что в ранних государствах бюрократизация получила заметное развитие не везде (и в этом смысле она не была универсальным новым принципом управления для ранних государств). В некоторых случаях мы видим процесс бюрократизации в ярком, классическом виде, как, например, в Египте или в Нижнем Междуречье эпохи III династии Ура. В других случаях бюрократизация была относительно слабой, особенно на завоеванной территории, например, в таких государствах, как ацтекское (Johnson, Earle 2000: 306; Баглай 1995) или Римская республика (Штаерман 1989). Иные государства, как Древняя Русь или Норвегия, были «дружинные», и весь аппарат управления сводился к его военной подсистеме (Гуревич 1980: 131; см. также 1970: 173; Шмурло 2000,

1: 107). Не относить такие политии к ранним государствам я не считаю правильным³³. Поэтому я стремился описать новые принципы управления возможно более универсально, чтобы они в полной мере относились как к бюрократическим, так и небюрократическим государствам. Впрочем, даже в бюрократических государствах управленцы все не походили на тот тип чиновников, о котором писал Вебер (Weber 1947: 333–334; см. также: Бондаренко 2001: 244–250; Гринин 2001–2005; 2006а).

4.1. Делегирование власти и делимость власти

Делегирование власти означает возможность передать кому-либо власть в определенном объеме и на определенных условиях (обычно с ограниченным сроком) для выполнения каких-то задач и функций. Такая практика зародилась вместе с появлением сколько-нибудь институционализированной власти. Однако догосударственные и негосударственные общества в большинстве случаев отличались слабой способностью к делегированию власти. Исследователи отмечают, что вождь часто не мог передать на сколько-нибудь длительное время кому-либо свои полномочия даже для решения важных проблем, не рискуя в конечном счете уменьшить или даже потерять свою власть (см.: Spencer 2000; Wright 1977). Тем более это было трудно сделать, если вождь имел сакральные функции, а его власть зиждилась на страхе перед его особыми качествами, которые далеко не всегда можно «делегировать» другому. Такие ограничения – поскольку сам вождь не мог поспеть везде – существенно усложняли управление и ставили преграды для эволюции политической системы.

Однако потребность в делегировании власти вытекала из важных практических нужд и необходимости решать одновременно много вопросов. По мере роста объемов и сложности задач такая потребность все усиливалась. Поэтому в конце концов трудности делегирования власти начинают постепенно преодолеваться, поскольку в раннем государстве удается, наконец, найти способы наделять кого-либо нужной долей власти на нужное время без боязни лишиться ее (о важности в раннем государстве делегирования власти см.: Claessen 1978a: 576; Spencer 2000; Wright 1977).

Таким образом, возможность делегирования власти становилась важным новым принципом управления. Но и этот, и другие принципы управления базировались на появлении нового свойства власти, о котором стоит сказать особо. Я назвал это свойство **делимостью власти** (Гринин 2001–2005; 2006а; Grinin 2003, 2004с). Оно заключается в возможности для обладателя власти делить ее в нужной пропорции между нужным количеством людей и на определенное время без утраты обладания властью и контроля над ней. Соответственно делимость власти предполагает реальное право отобрать данную власть или пере-

распределить ее. Делимость власти обычно означает также ту или иную степень согласия подчиненных и подвластных с правом обладателя власти делить ее и передавать другим, причем далеко не любому, а обладающему в глазах подчиненных нужным объемом полномочий, легитимности, авторитета. Иначе получивший полномочия не сможет ими воспользоваться.

Неделимая же власть – это власть, которую нельзя на время передать, делегировать, распределить и разделить между различными людьми и органами, не рискуя ее полностью или частично потерять либо встретить отказ в признании правомерности такого деления или нежелание подчиняться «заместителю» обладателя власти. И такой она обычно была в догосударственных обществах и в большинстве аналогов. Стоит заметить, что **неделимость власти означает и неделимость ответственности правителя** за всякого рода неудачи и бедствия. В то время как в государстве правитель очень часто мог переложить ответственность на исполнителя.

Для любого политического организма применимо, используя терминологию социологов, правило «нулевой суммы», то есть насколько у одного власти прибавилось, настолько у другого она убавилась. «Власть можно сравнить с ограниченным количеством товара – если ее больше у одной партии, то у другой должно быть меньше. Более того, если власть перераспределяется, это всегда влечет за собой потерю для одной или другой группы» (Смелзер 1994: 545). Однако некоторые теоретики, включая Парсонса, утверждают, что «увеличение власти не всегда связано с чьим-то поражением» и что общественные условия могут уменьшить ограничительный характер объема власти. Парсонс приводит аналогию с деньгами. Кредит может способствовать увеличению денежных ресурсов, но богатство одного человека не всегда приводит к бедности других людей (Смелзер 1994: 545).

Мне думается, что в догосударственных и негосударственных обществах это правило «нулевой суммы» действует более жестко, чем в ранних государствах, поскольку в последних при передаче власти от центра к его агентам сумма власти не остается нулевой, а возрастает. Ведь по мере развития аппарата центр может наделять кого-то властью, но объем его собственной власти от этого не уменьшается (по крайней мере, не должен уменьшиться теоретически). Мало того, чем больше людей у него на службе, тем больше его власть. Но властью обладает и каждый функционер. Следовательно, **в целом сумма власти возрастает.**

И хотя в раннем государстве эти процессы только-только начинаются, важно, что на базе делимости власти и роста ее общей суммы становится возможным усложнение разделения управленческого труда, что открывает перед обществом огромные перспективы развития в политическом плане.

4.2. Отделение выполнения функций от носителя функций

Общая черта ранних государств и аналогов – увеличение уровней сложности устройства и управления – ведет к тому, что центру становится труднее поддерживать достаточно эффективную связь между собой и периферией. В аналогах решение этой проблемы достигается, в первую очередь, за счет гипертрофии традиций и доведения до предела прежних тенденций развития, например, наращивания числа и титулатуры вождей (а также разрастания их линиджей); расширением того, что Э. Саутхолл называет «ритуальным сюзеренитетом» без ограничения фактического суверенитета местных правителей, то есть чисто формального подчинения верховному вождю (Southall 2000: 150); более четкого разграничения объема власти региональных и верховных правителей; более четкого закрепления тех или иных функций в руках определенных родов и линий; развития генеалогического принципа, а также сакральных, ритуальных и идеологических моментов, связанных с использованием власти.

Подобные процессы, разумеется, идут и в раннем государстве. Однако очень важно, что помимо усиления этих старых тенденций там возникает и нечто качественно иное, а именно: отделение исполнения функций верховной власти от нее самой (как носителя функций)³⁴. В результате происходит качественно другое, чем прежде, разделение функций. Верховная власть, образно говоря, превращается в мозг, который управляет различными органами общества, а ее задачи на местах исполняются специальными порученцами, представителями, функционерами, наместниками, специалистами³⁵. Этот формирующийся аппарат управления становится «приводным ремнем» от верховной власти к обществу. В результате такого разделения функций и начинается та внутренняя специализация, по Райту, в результате которой центральные процессы дифференцируются на отдельные действия, которые могут быть выполнены в разных местах и в разное время (Wright 1977: 381).

Таким образом, центр может, не теряя власти, расширять количество своих порученцев и функционеров, получая возможность сосредоточиться, прежде всего, на выработке общих решений, командовании, координации деятельности, сборе данных и контроле. Тем самым преграды для распространения его власти и расширения функций существенно уменьшаются, а возможности для экспансии увеличиваются. Проблемой становится необходимость кормить добавочных воинов и функционеров. Вот эта необходимость и является постоянным источником деятельности государства, его активности, необходимости что-то менять. Отделение исполнения функций порождает особую функцию верховной власти – **контроль за исполнителями**.

Все это ведет к усложнению и порой к разбуханию верховной власти, специализации ее органов, возникновению сложного баланса ин-

тересов в ней. Разумеется, такое разделение функций еще очень неполно и фрагментарно. Обычай вроде полюдья показывают, что верховная власть еще сама стремится или вынуждена и собирать дань, и вершить суд, и производить сакральные действия (см., например: Кобищанов 1995). Но все же во многих ранних государствах описанное отделение уже вполне заметно и играет важную роль. Оно способствует и **развитию властных вертикалей**, то есть подчинению управленцев сверху донизу одной воле и одним правилам. Этот принцип управления долгое время, правда, не играл слишком важной роли, однако в некоторых органах, особенно в армии, такие вертикали могли иметь место.

4.3. Новые черты системы управления в раннем государстве

Наличие развитого аппарата управления, как мы видели, не является обязательным признаком раннего государства. И это вполне объяснимо. Ведь административный аппарат возникает часто именно как добавочный, неосновной способ управления, и только потом обнаруживаются его преимущества. Поэтому в раннем государстве он создавался в основном из наличного материала (а не из идеальных чиновников, которых просто не существовало) и, конечно, не был полностью профессиональным. Мало того, он лишь частично формировался из лично обязанных власти людей, а большей частью центр просто приспособлялся к своим нуждам уже сложившиеся формы самоуправления, управления и выполнения определенных функций теми или иными родами, слоями, корпорациями, выборными людьми³⁶. Иными словами, **аппарат управления в раннем государстве обычно не системный. Он заново формируется только в каких-то важных местах или направлениях.** На привычный нам аппарат управления он похож только в отдельных фрагментах и моментах, а в целом представляет собой пеструю смесь старого и нового, поставленного на службу верховной власти. Эта система, однако, часто дает сбой то в одном, то в другом месте. Отсюда и постоянные поиски лучших административных решений, иногда наивных и близоруких, иногда просто вредных, но путем проб и ошибок все же открывающих простор для эволюционного развития.

Объем, степень сложности и разветвленности аппарата очень сильно зависят от объема самого государства. И тут никак нельзя сравнивать небольшие и огромные державы. Кроме того, разветвленность аппарата зависит от функций государства, поскольку там, где оно выполняет производственные задачи, соответственно и управленцев больше. Наконец, наличие достаточно развитого рынка делает ненужным часть управленцев, появляющихся в ряде государств в отсутствие рынка.

Таким образом, в раннем государстве начинается формирование особой **системы управления**, которая причудливым образом соединяет в себе старые и новые черты, а также и чисто переходные

(впоследствии исчезающие) явления. Причем новые признаки могут и не играть еще определяющей роли. Поэтому сравнение управления в раннем государстве и аналогах должно идти, прежде всего, по пути выявления в первых новых моментов, особенно таких, которые оказались способными в дальнейшем перестроить общество. Здесь следует обратить внимание на следующее.

Во-первых, хотя нередко верховная власть вынуждена терпеть различные иные силы и формы управления, все же в ранних государствах по сравнению с аналогами чаще проглядывается более сложная и разветвленная система управления, пусть состоящая еще в основном из управленцев старой формации (в том числе родовых начальников), но уже замкнутая на верховную власть. Сам род правителя начинает теперь играть в чем-то новую роль высшего эшелона власти, члены которого нередко раскиданы по всем уголкам страны. И даже в борьбе членов этого рода между собой за власть также можно увидеть, говоря словами русских историков XIX века, борьбу государственного и родового начал.

Во-вторых, если не во всех, то хотя бы в некоторых из ключевых органов и институтов (армии, суде, системе наместников, фискальных органах) верховная власть способна реально влиять как на назначения на важнейшие посты, так и на среднее звено руководителей.

В-третьих, для государства характерна **большая социальная мобильность** людей, выполняющих госфункции, чем для многих аналогов, выше **степень легкости включения** в указанный аппарат людей не из определенной элиты (рода, клана, сословия, касты). Чем строже ограничения, вплоть до полной невозможности вхождения в него людей со стороны, тем больше в политике старых способов организации, не позволяющих перейти к собственно политико-административным методам управления.

В-четвертых, по сравнению с аналогами ранние государства имели гораздо больше возможностей для замены (снятия с должности) членов аппарата в связи с плохим выполнением обязанностей или в связи с необходимостью, хотя порой слишком большого простора для выбора кандидатов и не было.

В-пятых, в ранних государствах по сравнению с аналогами происходят большие изменения в составе управленцев, **поскольку появляются новые типы управленцев**. Об этом скажем несколько подробнее.

4.4. Изменения в составе управленцев

Виттфогель говорил, что государство – это управление при помощи профессионалов (Wittfogel 1957: 239; см. также: Weber 1947: 333–334). Но профессионал – это достаточно широкое понятие. Оно включает в себя и **наследственных** профессионалов, то есть тех, кто от рождения предназначен для отправления тех или иных обязанностей. Именно такими являлись вожди разных рангов в вождествах, а также наслед-

ственные главы, старосты общин или их частей. Поэтому можно сказать, что во многих аналогах и догосударственных образованиях также управляли профессионалы.

В ранних государствах наследственных и клановых³⁷ профессионалов, занимающих свой пост или должность независимо от центра, также было немало. Но постепенно все более заметную роль начинают играть нового рода управленцы (а также прежде маловажные типы управленцев).

Во-первых, существенно растет число и роль управленцев-**функционеров** (их классификацию см.: Claessen 1978a: 576). А разница между функционером и, скажем, вождем существенна, поскольку первый выполнял ограниченные и специальные функции, а второй – общие (см. об этом, например: Diamond 1999: 274). Ибо вождь сосредоточивал на своем уровне всю полноту власти, а люди, поставленные (утвержденные) центром, часто имели только определенные полномочия.

Во-вторых, слой управленцев становится довольно пестрым, поскольку их права на должность были различны. Среди наследственных управленцев растет число **утвержденных**. Они наследовали должности по родственной линии или получали ее из рук клана, но вступление на должность должно было утверждаться центром.

Среди новых типов управленцев особо стоило бы выделить **назначенцев**, тех, кто назначается (нанимается) на какие-то должности или места и зависит от правителя и власти. Разумеется, и эта группа была пестрой. Она включала в себя и тех, кто материально мог вполне обойтись без службы или даже вовсе тяготился своим положением. Но была и подгруппа тех, для кого служба была главным делом и кто очень сильно зависел от вышестоящей власти. Следует учитывать, что и в аппарат, и в дружины людей стремились подбирать по принципу преданности. Особенно удобны в этом плане для власти были люди без роду и племени, рабы и слуги, иноплеменники. Поэтому их и привлекали для управления, военной службы, надзора за хозяйством³⁸. Такая практика была широко распространена не только в государстве, но и у частных лиц. В некоторых государствах от управленцев требовали и специальных знаний, тем самым создавалась эволюционно перспективная группа управленцев-специалистов (в том числе писцов). В управлении государством могли играть важную роль иностранные советники, как это было на Гавайях после смерти первого короля Камехамехи I при его преемниках. И даже при самом Камехамехе I некоторые иностранцы получали в пользование целые поместья с даровой рабочей силой (см.: Тумаркин 1964: 94; 1971).

Таким образом, в политике и управлении появлялось все больше людей, которые жили за счет выполнения своих функций и прямо зависели от правительства. Разумеется, они могли еще не составлять полную систему, но чем дальше развивалось государство, тем заметнее был кон-

фликт между профессионалами по праву и профессионалами-назначенцами, тем сильнее верховная власть стремилась или заменить первых на вторых, или превратить первых во вторых. История многих государств изобилует такими примерами. Чем более способна была верховная власть выполнить это, тем заметнее было развитие государства.

В демократиях и аристократических республиках, помимо функционеров, сформировался и тип профессиональных политиков. В этих обществах прийти к власти очень часто мог только подготовленный (и обычно состоятельный) гражданин. Эти люди занимались политикой не потому, что нуждались в доходах, а потому, что это было престижно и упрочивало их положение. Косвенным путем, правда, удавалось нередко получить и материальные выгоды, но прямая связь была не всегда. Иными словами, это были **свободные** профессионалы, обладавшие особой квалификацией (ораторским искусством, знанием законов и т. п.).

Возможность служить или не служить, заниматься политикой или нет характерна для аристократических или сословных государств, где высшие слои (сословия) имеют независимые источники дохода. Но это могло быть только в том случае, когда государство обеспечивало и охраняло собственность этих людей. Иными словами, государство здесь выступало как исполнительный комитет (или как проводник) воли граждан, точнее, той части граждан, которой удалось навязать свою волю остальным. Таким образом, свободные профессионалы были частью политической системы и фактически частью госаппарата (как сегодня в развитых демократиях партийные функционеры, по сути, являются частью государственной машины). Какие-то из них прямо находились у власти, другие оставались «оппозицией его величества», но в целом это была неразрывная система.

Общие черты профессионалов-функционеров и профессионалов свободных заключались в том, что для занятия должности или занятия политикой ни безоговорочного права, ни строгой обязанности у них чаще всего не было. Имелась и определенная свобода в выборе занятий, и определенная неуверенность в прочности своего положения. Следует также отметить и необходимость в специальных знаниях.

5. Новые и нетрадиционные формы регулирования жизни общества

5.1. Традиционные и нетрадиционные формы регулирования жизни общества

Выше мы отмечали, что политическая власть в государстве постепенно приобретает возможность регулировать при необходимости любые аспекты жизни общества. Какие именно моменты будут объектом такого регулирования, разумеется, зависит от очень многих вещей, в том числе от задач и силы верховной власти. При определенных ситуациях даже вопросы, весьма далекие от политики, становятся политически-

ми, если верховная власть начинает в них влезать, менять и контролировать. Но вместе с ростом объемов и сложности сферы регулирования в раннем государстве существенно повышается и роль нетрадиционных методов регулирования, а также появляются новые³⁹.

Что я имею в виду под традиционными методами регулирования жизни общества? Это методы, которые:

- а) уже устоялись и потому не требуют отходов от прежней практики;
- б) основаны на таких обычаях и деятельности людей и групп, которые либо проходят вовсе без какого-либо участия верховной власти, либо ее участие в них объясняется традицией и обязанностями, которые верховная власть не может изменить (вроде какого-нибудь обряда плодородия, религиозных празднеств, выслушивания жалобщиков и т. п.).

Соответственно нетрадиционные и новые методы:

- а) обязательно связаны с прямым или косвенным участием верховной власти (непосредственно или через ее представителей);
- б) в них явно выражается воля верховной власти, и они могут быть связаны с теми или иными изменениями в обычаях и законах.

Разумеется, деление на традиционные и нетрадиционные методы весьма условно. Но оно способно быть полезным при анализе особенностей ранних государств по сравнению с аналогами. В частности, в последних изменение традиций, регулирующих социально-политическую жизнь, было связано, в первую очередь, со сверхразвитием старых направлений и потенциалов. Зато в ранних государствах наряду с таким сверхразвитием укрепляется важная способность к реформированию и/или к разрыву с некоторыми традициями.

По этому поводу стоит привести высказывание Сервиса, который, анализируя ситуацию на Гавайях до и после контактов с европейцами, писал, что система этих теократических вождей держалась на идеологии, которая оправдывала и санкционировала правление наследственной аристократии, *опиравшейся на вековые традиции и этикет*. А такая система, по его мнению, находится в определенном противоречии с примитивным государством, которое, хотя и пытается править с помощью идеологии и традиций (обычаев), *должно создать добавочную поддержку* в виде монополии силы с законной структурой, которая управляет этой силой (Service 1975: 154). Эта мысль (с учетом, конечно, разницы в наших подходах) подтверждает доказываемую мной идею: *аналоги опираются в основном на традиционные методы, а государства, наряду с традиционными, должны создавать нетрадиционные и новые формы управления*.

5.2. Нетрадиционные и новые формы регулирования

К таким методам я отношу:

- реформирование и/или постепенное изменение управления и различных аспектов социальной жизни, включая «контроль и регулирование в некоторых сферах социальной деятельности (различных для каждого конкретного государства: от половых запретов до кровной

вражды. – Л. Г.), которые в безгосударственных обществах являются прерогативой родственных групп» (Kurtz 1978: 183);

– разрыв с традициями и тенденция к замене традиций политической волей (деятельностью управленцев или выборных лиц, правом, насилием, нормотворчеством власти и т. п.);

– рост значения принуждения и контроля за исполнением, в том числе установление контроля за прежде автономными должностными лицами и органами (судами, старостами и т. п.)⁴⁰;

– изменения в системе поощрений и наказаний (в том числе их кодификация или детализация, появление новых форм поощрения и наказания, изменение круга или положения лиц, имеющих право осуществлять наказания и поощрения). При этом правители и администраторы, подобно индийскому Каутильи, автору «Артхашастры», были озабочены эффективностью наказаний, то есть тем, чтобы они не были ни слишком жестокими, ни слишком мягкими (Mishra P., Mishra J. 2002);

– расширение или сужение полномочий должностных лиц для выполнения ими воли и политики верховной власти;

– создание условий (особых законов; органов власти, надзора и контроля; должностей; изменение обязанностей местной власти и прочего), которые позволяют верховной власти создать систему более регулярного контроля, добиваться более регулярного контроля, принятия важных для нее решений и доведения их до населения.

Стоит добавить, что в каждом раннем государстве (и даже на каждом этапе его развития) какие-то из перечисленных методов могли быть мало развиты, а какие-то – преобладать. Более подробно мы остановимся на первых трех формах.

5.3. Традиция и государство. Традиция и реформирование

Отношение государства к традициям двойственное. Оно может опираться на них, если это для него удобно. Так, в России искусственно сдерживался распад сельской общины. Но если эти традиции мешают функционированию или интересам верховной власти, их пытаются тем или иным способом устранить. В целом же имелась тенденция к замене традиционных форм регулирования жизни административными и правовыми.

В догосударственных обществах роль традиций была исключительно важной. Но правомерно ли думать, будто ранние государства незаметно вырастают из этих традиций, так что люди почти не ощущают перемен? Я полагаю, нет. Образование раннего государства всегда связано с заметными переменами. Ко многим традициям раннее государство было индифферентно, так как они еще не влияли на его деятельность. На другие традиции оно, напротив, опиралось, порой резко усиливая их, делая из менее значимых важными или самыми важными⁴¹. Весьма часто это касалось таких «традиций», как выполнение различных материальных, трудовых или военных повинностей.

В Гавайском государстве в XIX в. например, из-за расточительства двора и знати и бесконечных государственных долгов усилились повинности общинников. Это особенно ярко выразилось в принудительных заготовках сандалового дерева, что периодами приводило к кризису в сельском хозяйстве (Тумаркин 1971).

В этом смысле раннее государство сходно со многими аналогами, в которых как бы идет гипертрофирование традиций, как это было, например, с родовитостью в Полинезии и в других местах⁴². Есть много традиций (особенно религиозного, семейного плана и связанных с благородством родов), которые не нравятся верховной власти, но которые она не может, не считает возможным, боится тронуть. Например, местничество в Московской Руси удерживалось даже в период крутых расправ с боярами и реформ в XVI в.

Наконец, четвертая группа традиций включает в себя такие, которые препятствуют решению насущных задач или достижению важнейших целей либо угрожают устойчивости или самому положению верховной власти. Их она (когда это по силам) устраняет или преобразует, а также ломает связи людей с местными традициями (Kurtz 1978: 185). И вот это **стремление изменить некоторые важные традиции или порвать с ними, мне кажется, очень характерно для ранних государств. Почему?**

Дело в том, что управление только по традиции не требует ни специального аппарата, ни выполнения особых функций контроля. **Другими словами, там, где традиция господствует абсолютно, не нужно государства**, а достаточно иных принципов организации общества⁴³. Государство же – это политическая форма, возникшая в условиях, когда был необходим отход от некоторых важных традиций. Таким образом, перефразируя известное определение, можно сказать: **государство начинается там и тогда, где и когда традиционные методы управления не действуют**⁴⁴. Иными словами, переход к государству облегчается серьезными отклонениями от привычной ситуации и необходимостью существенных (иногда и коренных) изменений в управлении (Claessen 2004; Классен 2006; Гринин 2001–2005; 2006а; Grinin 2003; 2004с).

Конечно, сильные изменения и разрывы с традицией в результате неожиданной перемены ситуации, или внутренней борьбы, или необходимости имели место в некоторых случаях и до раннего государства, и параллельно ему⁴⁵. Но все же большинство аналогов не способно уйти от тех традиций, которые не дают им эволюционного простора.

Зато в ранних государствах направленность на изменение традиций становится более определенной и систематической.

Но, разумеется, в каждом обществе такой отход от традиций происходил только в отдельных направлениях, неполно, встречая сопротивление, оппозицию и заговоры, часто с откатами, возвратами и переворотами. Такой отход облегчается в условиях, когда выполнение тра-

диций затруднено, так как нарушилась их основа. Например, сселение людей в крупные поселения, этническое перемешивание, развитие торговли, войны, технологические перемены и прочее усиливают необходимость судебного или административного регулирования. Сказанное о тенденции к разрыву с традициями не противоречит и тому факту, что в процессе образования государств (по крайней мере значительного их числа) важную роль играет завоевание (Ambrosino 1995; Carneiro 1970, 1978; Саутхолл 2000). Напротив, в определенном смысле завоевание может рассматриваться как резкий разрыв с некоторыми традициями и возникновение новых отношений между победителями и побежденными.

Вот несколько из очень многих примеров отхода от традиций. Гавайские правители особенно после Камехамехи I в дворцовых церемониях и ритуалах стали подражать европейцам, переняли европейские одежду, домашний быт, военные представления (Johnson and Earle 2000: 294). Глава «правительства» У Ци в древнекитайском государстве Чу насильственно переселял знать на целинные земли (Переломов 1974: 23). Реформатор Шан Ян в древнекитайском государстве Ци изменил порядок получения титулов и разделил страну на уезды (там же: 23–24). Нередко закон ограничивал права населения на применение насилия, или полностью запрещал кровную месть и подобные обычаи, как, например, следует из Салической правды франков (например, XLI, 7 [см.: Батыр, Поликарпова 1996, I: 249]).

Стоит отметить, что чем сильнее разрыв с традицией, тем больше проблем и ответственности на власти, поскольку многие вещи, которые прежде решались внутри семьи, общины или небольшой области, становятся частью государственного регулирования. Соответственно **увеличение проблем и забот ведет к росту потребностей государства**. А это, в свою очередь, является источником новых изменений, например, регулирования порядка получения дани и налогов, введения законов и норм.

По мере развития раннего государства верховная власть начинает постепенно заменять и подменять традиции, во многих случаях реализация ее воли идет уже через систему установлений, органов, политиков и администраторов. Но, конечно, никогда разрыв с традицией не бывает тотальным.

С изменением традиций тесно связано и реформирование. Ведь реформы часто являются тем же отходом от каких-то важных традиций. История любого раннего государства дает нам примеры тех или иных реформ, связанных с отходом от традиций. В ранней истории (или в преданиях) очень многих обществ можно найти упоминания о деятельности того или иного великого реформатора. Таковы, например, Шунь, У Ци, Шан Ян и другие правители и политики в Китае (Бокщанин 1998б; Переломов 1974), Ликург в Спарте, Сервий Тулий в Риме, Уракагина/Уруингина в Лагаше (см., например: Дьяконов 1951;

1983: 207–274; 2000б: 55–56), Саргон в Аккаде (Дьяконов 2000в: 57–59), Саул и Давид в Израиле-Иудее (Вейнберг 1989: 99) и т. д. История многих ранних государств дает нам примеры тех или иных реформ, связанных с отходом от традиций, например религиозных. Хлодвиг у франков, Владимир на Руси и многие другие отказались сами и заставили отказаться свои народы от старой религии (Мажуга 1990: 48; Рыбаков 1987: 143). Даже в Индии, где власть стремилась избегать крутых разрывов с традиционными основами, таких примеров немало. Достаточно ярким является поддержка индийским царем Ашокой буддизма (III в. до н. э.), хотя и не ставшего государственной религией, но сильно укрепившегося при нем. А ведь это было в обществе, уважавшем веротерпимость, где правители обычно не вмешивались в религиозные дела. Ашока передал столь огромные дары буддийским храмам и общинам, что опустошил государственную казну. И это (согласно традиционной версии, очевидно, отражающей истинные события) привело к заговору со стороны сановников и наследника, фактически отстранивших Ашоку от управления (см.: Бонгард-Левин 1973: 71–74; Косамби 1968: 164–170).

Реформирование может происходить в виде сохранения внешней оболочки традиции (что порой уменьшает сопротивление переменам); иногда даже в виде кажущегося возврата к «добрым старым», но неправомерно нарушаемым обычаям; а также путем резкого изменения. Например, как это было в Междуречье в конце III тыс. до н. э. при саргонидях, которые «во всем – в титулатуре, в обычаях, в художественных вкусах – порвали с традициями раннединастической поры» (Дьяконов 2000в: 59) и провели разнообразные реформы в управлении, войске, землепользовании.

В целом **в ранних государствах усиливается способность власти к реформированию**. Оно является уже не только результатом неожиданных поворотов событий, но и все более важным способом решения тех или иных проблем верховной властью. Но реформы все же были редким делом (хотя существовали и отдельные периоды довольно активного реформирования). Промежуточное место между реформами и застоем занимали **регулируемые изменения, связанные с деятельностью верховной власти**. И вот в этом плане раннее государство особенно заметно отличается от аналогов, поскольку в нем этот процесс становится существенно более упорядоченным. Например, в Афинах народное собрание собиралось ежемесячно, а с IV века до н. э. четыре раза в месяц, то есть еженедельно (Кучма 1998: 113). И ведь оно должно было что-то решать, а значит, помимо рутинных проблем, обсуждалось и много изменений. Сравните эту упорядоченность, например, с Исландией, где альтинг собирался сначала один раз в год на неделю-две, потом немного чаще, и различия между ранним государством и его аналогом станут очевидными⁴⁶.

5.4. Рост значения принуждения

Как уже сказано, развитой и формализованный аппарат принуждения не обязателен для ранних государств. Но что, несомненно, можно увидеть в них – это рост роли принудительных методов управления со стороны верховной власти. Многие исследователи считают «важнейшим конститутивным признаком государства, отличающим его от вождества», «наличие инструментов насилия» (Service 1975; Годинер 1991: 68; см. также: Хоцей 2000: 118–120). Принуждение достигалось разными способами – как традиционными, так и новыми, как прямыми, так и косвенными. Стоит отметить рост роли судов и введение особых законов, слежку за населением, институт особых соглядатаев и доносчиков⁴⁷, увеличение прав у наместников, усиление наказаний за неисполнение повинностей, прямые репрессии, особенно на покоренных территориях, где армия неизбежно выступала как аппарат принуждения и насилия над завоеванным населением.

Этим ранние государства отличались от ряда демократических аналогов вроде древнеисландского, где такое насилие на общеполитическом уровне отсутствовало или было весьма слабым. А большей самостоятельностью верховной власти в свободе применения наказаний и репрессий государство отличается от аналогов с племенной (клановой) структурой и слабым центром, где какие-то карательные акции против нарушителей обязательств перед центром могли осуществляться только с согласия большинства кланов.

Другой важный момент связан с изменениями в войске. Государственные реформы едва ли не в половине случаев в той или иной степени касаются именно армии. И это неудивительно, поскольку военная сфера более всего и требует вмешательства государства. Этим раннее государство отличается от сложного (составного) вождества или другого аналога, где изменить традиции в военном деле более сложно. И начало многих государств (в смысле создания истинно новых политических и административных форм) часто шло именно от таких военных структур, обычаев, институтов, например военных лагерей юношей, дружин, личной гвардии, охраны и т. п. (см., например: Миллер 1984: 191 и др.; Орлова, Львова 1978; Бочаров 1991: 70).

Хотя было немало ранних государств с нерегулярной армией, но и в этих случаях мы, скорее всего, найдем, что новые формы регулирования жизни заметно коснулись и ее. Это могло выразиться в особом порядке формирования частей и назначении командиров, в укреплении дисциплины, в унификации вооружения и регулярности военных сборов для обучения воинов и многом другом. Кроме того, принудительный характер призыва на войну и жестокие наказания за уклонение, вплоть до смертной казни или продажи в рабство, более характерны для ранних государств, чем для аналогов, во многих из которых участие в военных походах было добровольным делом, даже у воинственных ирокезов (см.: Фентон 1978: 127)⁴⁸.

5.5. Наиболее важные направления изменений

В каждом раннем государстве изменения в традиционных отношениях, формах регулирования и институтах идут лишь в отдельных моментах, которые определяются конкретными обстоятельствами, расстановкой сил, историческим опытом и т. п. Если говорить о наиболее важных направлениях изменений, то они таковы:

а) изменение и расширение властных полномочий, включая изменение титулатуры⁴⁹ и церемониала; изменения в порядке передачи власти, в государственном устройстве и внутри управленческого и военного аппарата; введение или упразднение должностей и органов; изменение порядка назначения и смещения должностных лиц разных уровней;

б) изменение статуса, прав и обязанностей как отдельных людей⁵⁰, так и групп и всего населения⁵¹. Это касается и введения (отмены) налогов. Введение новых почетных званий, титулов и рангов;

в) изменение ритуала, моральных и религиозных норм, отмена различных обычаев и введение новых установлений.

Наконец, нужно сказать об изменении **территориального устройства**. Как мы уже отмечали, даже в аналогах раннего государства наблюдается порой изменение территориального деления, что вызывается ростом этносов и политий, сложностью поддержания единства и необходимостью согласовывать время от времени действия. Появляющиеся единицы (типа сотен у германских племенных союзов), нужные, скажем, для отнесения к ведению того или иного суда, для организации выборов представителей на общие собрания, для поставки воинов и выполнения повинностей, потом могут стать уже и естественными территориально-структурными единицами, оттесняя родовые и общинные.

Однако в раннем государстве по сравнению с аналогами возникают более сильные стимулы для изменения территориального устройства. Но систематичности в этих изменениях обычно не наблюдалось. Чаще было смешанное территориальное устройство, где наряду со старыми делениями появлялись и новые, созданные под воздействием верховной власти⁵². Система могла длительное время усложняться и запутываться, пока в какой-нибудь период не происходило более рационального территориального деления. Ведь если центр не преуспевает в уменьшении сложности подсистем, баланс силы (власти) в системе будет неустойчивым (Bargatsky 1987; Johnson 1981; Claessen 1989; Классен 2005).

Как уже говорилось, заметные сдвиги в разрушении родовых основ организации населения происходили далеко не везде. Но даже там, где территориальный принцип в целом приживался медленно, все же некоторые важные изменения в этом плане имелись, в частности, в появлении населенных пунктов (или кварталов) нового типа, системе расположения крепостей и опорных пунктов, обеспечивающих господство центра над местностью, особом развитии столицы или ее центра и т. п.⁵³

6. Редистрибуция власти

6.1. Понятие редистрибуции власти

Как уже сказано, ранние государства обычно образовывались в результате существенных перемен в устоявшихся социально-политических отношениях в обществе. Но и в аналогах также время от времени происходили своего рода **колебания и перемещения власти** от народа к элите и наоборот, от одних групп к другим, от знати к вождю и наоборот и т. п. (см., например, о возмущениях народа, вызванных превышением полномочий гавайскими вождями, которые инспирировались другими вождями: Салинз 1999). Иногда в результате этих пертурбаций центр усиливался и возникало крупное вождество. Однако если это центростремительное движение было недостаточно устойчивым, чтобы закрепиться, жизнь выросшей политики оказывалась недолгой. Такие непрочные образования, как славянское «государство» Само (Lozny 1995: 86–87), германские племенные союзы Маробода (у маркоманов), Ариовиста (у свевов), Арминия (у херусков), Клавдия Цивилиса (у батавов) (Неусыхин 1968: 601–602; Oosten 1996), гуннская «держава» Аттилы (Корсунский, Гюнтер 1984: 105–116), гето-дакский союз под руководством «короля» Бурбисты (Федоров и Полевой 1984) и прочие, обычно распадались после смерти вождя (а иногда и при его жизни, как случилось с Марободом). Иной раз в аналогах и вовсе шло ослабление верховной власти, особенно если там имелась сильная и своевольная знать⁵⁴.

В других случаях мелкие политики объединялись в более устойчивые образования: конфедерации, слабоцентрализованные теократии или монархические политики сегментарного типа (Southall 2000). Однако во всех этих случаях отсутствовала направленность на усиление верховной власти, на развитие новых принципов управления и форм регулирования, о которых мы вели речь.

Зато в раннем государстве возникают тенденции на усиление роли верховной власти и центра в распределении власти, на образование как бы силового ядра власти, влияние которого на общество становится все более заметным, а постепенно в чем-то и определяющим. Эти центростремительные процессы я назвал **редистрибуцией власти** (Гринин 2001–2005; 2006а; Grinin 2003; 2004с). Власть в данном случае нужно рассматривать не в каком-то чистом, нематериальном виде, а как систему властных функций, прав, обязанностей, распоряжений, действий и связанных с этим разнообразных людских и материальных ресурсов и информации.

Таким образом, **редистрибуция власти – это процесс поддержания (и при возможности изменения) системы распределения власти между центром и периферией, который позволяет верховной власти не только контролировать периферию, но и переориентировать потоки властных функций и действий на центр, где значительная**

часть власти (а также и материальных ресурсов) задерживается. Соответственно идет процесс накопления в центре такого узла власти, который все сильнее влияет на общество, все сильнее стремится к аккумуляции дополнительной власти, ресурсов и информации.

Редистрибуция власти – это еще не централизация государства в полном виде, но это процесс движения к централизации, а вместе с этим к большей упорядоченности и регулярности в отношениях между властями всех уровней, рангов и линий; а также между населением и властью в целом. Редистрибуция власти связана и с некоторой унификацией отношений и норм в рамках державы. Она сильно влияет на развитие этнических, культурных, религиозных и других процессов. Все больше дел и проблем совершается и решается под эгидой и заметным контролем верховной власти (в отличие от аналогов). А в результате ее роль в управлении обществом имеет тенденцию к увеличению. Вследствие этого раннее государство гораздо быстрее, чем аналоги, начинает менять отношения внутри общества.

Это может выражаться в самых разных действиях верховной власти, связанных с расширением ее функций и полномочий, а также борьбой против попыток местной власти выйти из-под контроля, например;

- в изменении порядка назначения (или выборов) местных руководителей (Иван III в завоеванном Новгороде [Хорошкевич 1966: 122]);
- в принудительном переселении народов или масс населения (Ассирия, государство ацтеков [Садаев 1979; Kurtz 1978: 177]) и насильственным перемещением в другие места знати, например в некоторых древних китайских государствах в IV в. до н. э. (Переломов 1974: 23);
- в замене единого массива земельных владений крупных аристократов на поместья, разбросанные по стране или пожалования за службу таким же образом (Камехамеха I на Гавайях; Вильгельм Завоеватель в Англии; правитель-оба Бенина [Тумаркин 1964; 1971; Мортон 1950: 60; Бондаренко 2001: 221]);
- в «нейтрализация местных организаций, которые могли как-то мешать выражению гражданами преданности и лояльности» (в государстве ацтеков [Kurtz 1978: 180]);
- в монополизации верховной властью некоторых функций, в частности судебных (как это было сделано Вегбаджей, первым царем Дагомеи [Кочакова 1986: 256]);
- в увеличении роли и росте пышности двора правителя (Гавайи в XIX в. после Камехамехи I; в некоторых древнекитайских государствах [Johnson, Earle 2000: 294; Pokora 1978: 203]), при котором порой живут в качестве заложников или воспитанников родственники местных правителей (Бенин [Бондаренко 2001: 222–223]);
- нередко это выражается в очень наглядных материальных акциях, например, в смене столиц (в 639 году император Дзёмей в Японии [Пасков 1987: 34]) или превращении в столицу прежде маловажного

города (Саргон Древний в Аккаде [Дьяконов 2000в: 57], Андрей Боголюбский во Владимиро-Суздальском княжестве [Рыбаков 1966: 617]); строительстве общегосударственного храма (в Иерусалиме при Соломоне [Вейнберг 1989: 99]) и т. п.;

- в концентрации и накоплении важнейшей информации в архивах, например, законодательной или подтверждающей знатность. Так, Чингисхан после избрания его великим ханом в 1206 году создал специализированный орган публичной власти – верховный суд, который, помимо судебных функций, должен был письменно фиксировать все административные и судебные решения (Kradin 1995: 193). Р. Карнейро специально подчеркивает, что государство должно контролировать информационные потоки (Carneiro 2000: 186);

- это также может выражаться в росте размеров и значения столицы или в особом положении столичных знати и чиновников. Например, можно сравнить гробницы верхнеегипетских областеначальников времен Старого царства, высеченные в скалах, небольшие и нередко скудно отделанные, с громадными, сложенными из тесаных камней и испещренными резьбою гробницами столичных вельмож, чтобы убедиться в различии общественного положения столичной и провинциальной знати (см.: Перепёлкин 2001: 191–192).

Однако, поскольку власть во многих ранних государствах еще не полностью стала принудительной (см., например: Кочакова 1999: 9), постольку и редистрибуцию власти нужно рассматривать как своеобразный переход от согласительной власти догосударственных образований к принудительному типу власти. Естественно, что многое во взаимоотношениях центра и периферии еще не устоялось, не имеет развитых форм и сложившегося порядка. А раз политический порядок еще не отлажен, то удержание перераспределенной власти требует больших усилий от правительства, нередко уступок и «бонапартизма», то есть способности опираться на разные слои и общественные силы.

Патриция Шифферд, проведшая сравнительный анализ 22 ранних государств, пришла к выводу, что попытки централизовать политические институты никогда не протекали гладко и легко, поскольку появление государства в экономическом и политическом смысле задевало существенные интересы как людей, так и корпоративных групп изменяющегося общества (Shifferd 1987). Возрастание государственной власти означало потерю независимости на местах (Bargatzky 1987). Характерно также, что продолжение централизации было достаточно редким случаем для ранних государств, так как противоречия, напряженность и противодействие оказывались слишком сильными (Shifferd 1987).

Поэтому, с одной стороны, военная сила – это один из главных инструментов редистрибуции власти. Успешные и постоянные территориальные захваты могли способствовать и одновременно требовать возрастания внутренней сложности управления. Но, с другой стороны, перераспределение власти в раннем государстве имеет еще частично

традиционный характер, поскольку верховная власть нередко старается придать этому процессу вид договоренностей, согласований и прочего. Сам по себе титул не гарантирует правителю власти, поэтому он должен заключать постоянные союзы, разыгрывать те или иные комбинации, чтобы сохранить статус-кво, а при возможности и увеличить свою власть. И поскольку ни государственные институты, ни политические и административные границы еще не устоялись, в истории таких обществ можно видеть резкие колебания, связанные то с возвышением правителя, династии и резким территориальным расширением державы, то с их упадком. Одним из ярких примеров стремительного расширения территории служит государство Инков, площадь которого всего за 30 лет во второй половине XV в. увеличилась в сотни раз (см.: Naviland 1991: 245; Mason 1961). Порой правитель связан по рукам и ногам родней, советниками, аристократией, обычаями, то вдруг иной монарх превращается в тирана и палача. «Противоречие между двумя течениями, безудержным и вводящим ограничения, – это, впрочем, общий признак архаического времени», – очень верно подмечает Гельмут Берве (1997: 19).

6.2. Редистрибуция благ и редистрибуция власти

Теперь есть смысл дополнительно пояснить название предложенного мной термина. Понятие редистрибуции (благ) было введено для характеристики распределительных отношений в некоторых догосударственных и раннегосударственных обществах (см., например: Polanyi 1968; Sahlins 1972). Редистрибуция очень часто сохраняла внешнюю видимость добровольности и равнозначности обмена между населением и руководителями. Она приобретает больший размах и большую зрелость в ранних государствах и их аналогах, затем постепенно и далеко не сразу сменяясь налогами⁵⁵.

Разумеется, сравнение власти с материальными благами не всегда корректно. Но я остановился на слове «редистрибуция» не только из-за его известности, но особенно потому, что аналогия между благами и властью многое объясняет в характеристике ранних государств и их специфике, а кроме того, имеет существенные основания для своего применения.

Во-первых, редистрибуция благ и редистрибуция власти – тесно связанные явления, поскольку никакая власть не может обходиться без материальных средств и любая власть одной из главных целей ставит аккумуляцию этих ресурсов. Во-вторых, власть имущественная и политическая имеют родственные черты (в частности, благодаря возможности распоряжаться важными для людей благами: имуществом, временем, правами). В-третьих, власть вполне правомерно рассматривать как благо, которое должно регулярно воспроизводиться и потребляться (ведь если власть не используется, она имеет тенденцию к сокращению). А с появлением такого качества власти, как делимость (о чем выше шла речь), существенно возрастает возможность перерас-

пределять ее и накапливать. Исходя из сказанного, должно быть понятно, что:

1. Перераспределение власти в раннем государстве имеет еще частично традиционный характер, поскольку верховная власть нередко старается придать этому процессу вид договоренностей, согласований и прочего. Но на практике влияние центра стремится к увеличению.

2. Этот процесс носит нерегулярный и колебательный характер. И так же, как редистрибуция благ не имеет еще постоянного, систематического и строго контролируемого порядка, каковыми качествами начинают обладать налоги, так и редистрибуция власти не означает, что властная воля центра имела строго упорядоченный и нормированный характер.

3. Редистрибуция – это всегда реципрокация (взаимный обмен), но только асимметричная. А реципрокация нуждается в постоянном поддержании баланса. А значит, даже на стадии раннего государства «власть по-прежнему зависит не только от владения ресурсами, но и в значительной мере от способности дарить» (Кочакова 1995: 160). Поэтому в раннем государстве от верховной власти требуется много усилий для поддержания баланса власти. Иной раз редистрибуция благ ведет к перенапряжению общества и разладу в распределительной системе. Резкий рост полномочий центра также может вести к кризисам. Недаром вождей, превратившихся в деспотов, вроде зулусского Чаки, убиваются, слабые преемники тирана свергаются, возникают страшные раздоры после смерти создателя державы и т. п.

4. Подобно вождям, которые стараются не только сохранить объем перераспределенных благ, но и ищут возможности увеличить его, государственная власть также ищет возможности, не теряя достигнутого, сократить собственные обязанности и увеличить права и, напротив, увеличить обязанности нижестоящих властей и населения и сократить их права.

5. Подобно тому, как между вождями шла конкуренция и борьба за источники богатства и подданных (при этом те из них, кто не мог удержать последних под своим влиянием, теряли авторитет и силу), так и в ранних государствах идет борьба за влияние на окраины, за то, кто именно будет тем центром, который их объединит и удержит; и те центры, которые не могли удержать периферию, теряли свое значение и слабели.

6. Подобно тому, как редистрибуция означает не просто изъятие, но перераспределение через центр, редистрибуция власти означает, что власть не всегда возвращается к тем, у кого она ушла в центр, но центр может передать ее другим.

6.3. Редистрибуция власти и распад государств

Укрепление позиций и возможностей верховной власти не исключает колебаний и временного ослабления центра, попыток вернуть самостоятельность, разлада во властной редистрибутивной системе. Напротив, это вполне типично. Именно эти проблемы и создают источник

новых решений. Редистрибуция власти неразрывно связана с военными факторами (внешней опасностью или безопасностью, победами или поражениями), которые усиливают или ослабляют ее. Поиск более удачных эволюционных решений в истории часто осуществлялся путем разрушения одних государств и создания на их месте других. Например, в результате внутренней борьбы центр державы может переместиться на окраину, как это неоднократно бывало в истории, когда прежде слабый и провинциальный город становился новой столицей, либо когда покоренный народ превращался в господствующий (как это было, например, с Мидией, ставшей в VI веке до н. э. частью Персии во главе с Великим Киром [см., в частности: Дьяконов 1956: 414 и др.] или как произошло в шаньинском Китае, когда его властителями стали прежде зависимые от него чжоусцы [см.: Васильев 1993: 184–185]).

Все это говорит о том, что следует иметь в виду не только процессы в отдельном государстве, но и эволюцию государственности в целом, поскольку для последней регресс в одних обществах обеспечивает прогресс в других⁵⁶. Жизнь сильнее организмов, говорил Тейяр де Шарден (1987), а в данном случае государственность как форма существования обществ становится сильнее конкретных государств. Поиск более удачных решений в ранних государствах часто осуществлялся путем разрушения старого и создания на его месте нового. В результате процесс редистрибуции власти обновлялся и приобретал более четкие черты.

Этот момент важен при обсуждении проблемы устойчивости ранних государств к децентрализации. Можно согласиться с мнением, что любая теория происхождения государства должна быть способна объяснить, как зарождающийся правящий класс преодолевает тенденции к периодической децентрализации, каковая тенденция связывается с вождествами (Gledhill 1994: 41). Понятие редистрибуции власти в определенной мере облегчает такое объяснение. Коэн тенденцию к распаду рассматривает как качественно менее свойственную государственным структурам, в то время как регулярный распад догосударственных образований он (как и Карнейро) считает важной характеристикой последних (Cohen 1981: 87–88). Это в целом справедливо, хотя «многие централизованные политии существовали веками, без развития признаков государства (Chabal, Feinman, Skalník 2004: 27; см. также их статью в настоящем томе).

Но способность не распадаться (как и не быть завоеванным) – черта как бы идеального государства. Близкими к этому были лишь немногие державы древности и средневековья (о распадах государств см., например: Tainter 1990). Поэтому важно подчеркнуть, что и сами распады во многих ранних крупных государствах имели существенно отличные черты от распада негосударственных образований. А именно:

1. Бóльшая длительность объединенного состояния по сравнению с догосударственными образованиями и аналогами. Цикл устойчивого существования таких государств составлял многие десятки и даже сотни лет.

2. Стремление распавшихся территорий к новому объединению, память о единстве.

3. Частое появление конкурирующих между собой центров объединения, что в целом усиливает возможности объединения.

4. Распадение нередко способствует развитию более сильной государственности на местах, поскольку происходит как бы ее спускание на местный уровень (появление местной администрации, столицы и прочего).

6.4. Направления редистрибуции власти

Характер и конкретная направленность редистрибуции власти очень сильно зависят от конкретных условий: объема, населенности и этнического состава государства; внешнего окружения; природных условий, облегчающих или затрудняющих централизацию; исторических традиций и т. п. В крупных монархиях может иметь место конфронтация между царем и местной аристократической властью. В небольших или средних по размеру обществах иной раз позиции аристократии ослабевают, а демоса или «буржуазии» (как в некоторых средневековых торговых республиках) усиливаются. Эти изменения могут закрепляться в законах и даже в особой писаной или неписаной конституции. В результате роль традиционного и корпоративного самоуправления ослабевает, а роль государственных и правовых рычагов усиливается.

Характер редистрибуции власти меняется и в связи с развитостью самого государства. В начальных фазах часто идет борьба за то, кто будет главным центром власти. Поэтому победителю необходимо сделать власть достаточно реальной, уменьшить опеку или помехи со стороны иных источников власти. Характерным является пример так называемых лугалей-гегемонов в Междуречье, с середины III тыс. постепенно оттеснивших военных и культовых вождей (лугалей, энами и энси). Лугали-гегемоны опирались на своих личных приверженцев и дружину, которая зависела от них и порой позволяла им завоевывать небольшие соседние полинии. Чтобы приобрести независимость от местных органов самоуправления, они стали прибирать к рукам храмы и соответственно храмовые земли, либо женись на верховных жрицах, либо заставляя совет избирать себя сразу и военачальником, и верховным жрецом, при этом поручая храмовую администрацию вместо общинных старейшин зависимым и обязанным лично правителю людям (Дьяконов 2000б: 51; см. также: Виткин 1968: 432). На Гавайях в скором времени после объединения архипелага происходит определенное усиление политической власти правителя за счет ослабления жречества (Service 1975: 158; Davenport 1969: 17), хотя это и наносило вред концепции священного ранга вождя (Davenport 1969: 17). По мнению Сервиса, новые правители в государстве нередко склонны вообще рассматривать старое жречество как препону против их абсолютизма (Service 1975: 158). Это очень верное наблюдение. Но, кроме того, но-

вые правители не прочь освободиться от стеснительных и утомительных сакральных обязанностей, если они могут это сделать.

В Африке «двуединство и борьба за власть царя и царского двора, с одной стороны, и совета родовой по происхождению знати, связанной через цепочку носителей должности с низовыми общинами, с другой, составляло главную характерную черту структуры формирующегося аппарата и основное содержание политического соперничества в ранних государствах. Главной тенденцией царской власти в области формирования властно-управленческих структур было стремление к созданию дворцовой организации, независимой от родовой знати» (Кочакова 1995: 161).

На этапе типичного раннего государства самым главным может быть закрепить доминирование центра, не дать державе распасться, суметь аккумулировать в руках верховной власти основные военные и материальные ресурсы, приобрести новые земли. На этапе переходного раннего государства верховная власть может пытаться перестроить всю систему управления, заменить местных правителей на своих назначенцев, ввести какую-то унификацию в административные отношения и т. п. Но нередко именно на этом этапе начинается ослабление верховной власти, поскольку выявляются слабости и пороки политической системы, дают себя знать прежние ошибки и т. п.

В зависимости от конкретных обстоятельств и проблем редистрибуция власти касается самых разных вещей. В первую очередь, конечно, центр волнует возможность аккумуляции военной силы в нужное время, а затем и полный контроль над войском всей страны. Но верховная власть не менее озабочена проблемой лояльности родовых начальников, эффективным контролем над сбором налогов и выполнением повинностей. Она стремится ограничить права местных правителей (вершить суд по определенным делам, вводить свои налоги и т. п.) и даже полностью заменить их на своих наместников.

Важнейшим нервом редистрибуции порой становится борьба вокруг порядка передачи престола, а также сужения или расширения контингента, обладающего какими-то политическими правами (вроде голосования) или из которого черпаются функционеры; дарование или отбирание привилегий. Где-то редистрибуция видна только в отдельных моментах, но нередко территория оказывается «под многосторонним воздействием ранней государственности»⁵⁷, поскольку масса проблем в государстве взаимосвязана и некоторые изменения имеют как бы сцепленный характер, то есть влекут за собой массу иных.

Редистрибуция власти, конечно, меняет положение населения (иногда в худшую, а иногда в лучшую сторону). Но прежде всего она направлена на тех, у кого концентрируется власть, то есть на знатных и богатых, а также на корпорации разного рода. Параллельно с этим может идти расширение прав и привилегий новой элиты, на которую верховная власть пытается опереться, но с которой в будущем она,

в свою очередь, может начать борьбу. Поэтому-то далеко не всегда раннее государство предстает (вопреки марксизму) как орган классового господства. Напротив, оно может оказаться враждебным знати, как при демократии, так и при монархии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, известны многочисленные политии, по размерам, сложности и ряду других параметров находящиеся на одном уровне развития со многими ранними государствами и в то же время существенно превосходящие типичные догосударственные образования (вроде простых вожеств и общин). Такие сложные негосударственные общества неправильно считать находящимися на догосударственном уровне развития. Но поскольку многие из них исторически предшествовали образованию раннего государства, я предложил разделить все догосударственные общества на две группы. Первая – это общества, которые можно обозначить как **принципиально (или стадияльно) догосударственные**, поскольку при данном объеме и сложности они ни при каких условиях не могут трансформироваться даже в малое государство. Вторая группа политий – те, которые при их наличных характеристиках потенциально уже способны стать хотя бы малым государством (но конкретно-исторические условия могут этому препятствовать). Такие политии, которые уже способны решать задачи, сравнимые с теми, что стоят перед государствами, были названы мной **аналогами раннего государства**. Объединение под одним названием **аналоги раннего государства** очень непохожих друг на друга обществ было сделано мной, прежде всего, с целью противопоставить государственной альтернативе развития сложных позднепервобытных обществ иных альтернатив. Общество, достигая размеров и сложности, с которых переход к государству, в принципе, уже возможен, может продолжать развиваться, но при этом долго не создавать раннегосударственную политическую форму.

Все ранние государства по размерам можно разделить на малые, средние, крупные, соответственно и их аналоги надо подразделить на **аналоги малого, среднего, крупного государств**. Таким образом, общества могут трансформироваться в раннее государство как с уровня принципиально догосударственного, так и с уровней аналогов малого, среднего и даже крупного государства. А это значит, что переход к государству в разных обществах осуществлялся не с одинакового, а с разных уровней социокультурной и политической сложности.

И ранние государства, и аналоги в одинаковой степени отличаются от стадияльно догосударственных обществ по размерам, уровню сложности, объему прибавочного продукта и т. п. Различия же ранних государств и аналогов между собой лежат не в таких количественных показателях, а в особенностях политического устройства и способах

управления обществом. Вот почему для отличия раннего государства от его аналогов и требуются особые критерии (совсем иные, чем те, что отличают ранние государства и аналоги от стадильно догосударственных обществ).

Мною было выделено и проанализировано четыре таких признака-критерия для разделения ранних государств и их аналогов:

- особые свойства верховной власти;
- новые принципы управления;
- нетрадиционные и новые формы регулирования жизни общества;
- редистрибуция власти.

Таким образом, раннее государство являлось лишь одной из многих форм организации сложных обществ, которая стала типичной только в ходе длительного эволюционного отбора. Однако важно не упустить и другую сторону проблемы – в конечном счете именно государство оказалось ведущей политической формой организации обществ. Все же остальные, длительное время альтернативные ему, в конце концов либо преобразовались в государство, либо исчезли, либо превратились в боковые или тупиковые виды.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О проблемах классификации обществ, уже переросших догосударственный уровень, но не ставших государством, см. также: Lloyd 1981: 233; Marcus, Feinman 1998: 6.

² Р. Коэн (Cohen 1978: 2–3) предлагал все определения государства разделить на две группы. Первая связана с социальной стратификацией общества, вторая – со структурой управления и власти. Коэн, правда, еще упоминает об информационном подходе Райта и Джонсона (Wright, Johnson 1975) и других. Если исходить из такой классификации, то мое понимание ближе ко второй группе, но с учетом идей Райта и Джонсона, как увидит читатель в разделе «Новые принципы управления».

³ Но речь идет лишь о ранних, а не о развитых (зрелых в другой классификации) государствах, различия между которыми очень существенны (Claessen, Skalnik 1978b; Гринин 2001–2005; 2006а). И поэтому многие исследователи подчеркивают, что большинство ранних государств так и не превращаются в зрелое государство (Claessen, van de Velde 1987а, 1991; Skalnik 1996; Shifferd 1987; Tymowski 1987; Кочакова 1995). Но вопросы сравнения ранних и зрелых государств выходят за рамки настоящей статьи (этот вопрос рассмотрен в другой моей статье в этом томе: Гринин 2006в).

⁴ См. о таких условиях также: Классен 2006.

⁵ Переход к государству облегчается серьезными отклонениями от привычной ситуации, такими, как прекращение изоляции, возникновение реальной угрозы обществу или части населения, резкое увеличение роли торговли, внутренние конфликты и т. д. Все это может служить толчком для существенных изменений в управлении и политическом устройстве (см. подробнее: Гринин 2001–2005, 2006а; Grinin 2003; 2004с). Но думается, что среди факторов такого резкого изменения

жизненных условий война, завоевание или опасность быть завоеванным, несомненно, занимают первое место. Все связанное с военной деятельностью может служить толчком для образования государства. Например, ввоз или заимствование более современного оружия. Так, ввоз огнестрельного оружия послужил важной причиной образования некоторых государств на Мадагаскаре в XVII в. (Дешан 1984: 353; Ратцель 1902, т. 1: 445). В этом плане также показательным является мнение Т. Ёрла, который считает, что «гавайские вождества могли бы стать государствами. Для этого были необходимы лишь небольшие технические нововведения. Гавайские вожди знали, что им нужно, и быстро осознали ценность европейского оружия» (Ёрл 2002: 86; курсив мой. – Л. Г.).

⁶ Надо отметить, что, помимо тенденции занижать уровень аналоговых обществ до догосударственных, встречается и мнение, что все общества, в которых выделилась функция «насильственного управления обществом» надо относить к государствам, независимо от того, на основе родства, сословного деления или чисто политического и территориального принципа организовано такое управление (см. например: Хоцей 2000: 123 и др.). Такой подход затрудняет понимание как эволюции постпервобытных обществ в целом, так и эволюции государственности, а также возможностей выявления эволюционной перспективности или типичности различных обществ.

⁷ У берберов Магриба в XIX – начале XX века сознание племенной солидарности проявлялось даже реже, чем сознание деревенского единства. Жители деревень, принадлежавшие к одному племени, обычно объединялись лишь во времена войн, восстаний, природных катастроф (Бобровников 2002: 188).

⁸ Например, Дельфийский полис (подробнее см.: Гринин 2006б). В качестве аналогов интересны также политические образования в Греции (их было немало), не имевшие собственных городских центров, однако воспринимавшиеся и самими гражданами, и другими эллинами как полисы (см.: Кошеленко 1983: 10).

⁹ Но по населению Исландии есть и другие данные. Например, Хизриева (2002: 78) полагает, что в течение IX века в Исландию прибыло 30–35 тыс. чел. А согласно подсчетам Бьорну и Харальдссона в это время численность населения могла составлять и 60 тыс. чел. (там же; см. также: Хьяульмарссон 2003: 27). Но, кажется, все-таки это завышенные цифры.

¹⁰ О казаках см.: Рознер 1970. О казаках как об аналогах см.: Korotaev *et al.* 2000: 19. Единственный критерий принадлежности к казачеству состоял в признании над собой власти казацкого суда (Петкевич 2005: 41; 2006).

¹¹ Гумилев писал: «У жужаней, как у народа, не было единого этнического корня. Происхождение жужаньского народа было несколько своеобразно. В смутные времена всегда бывало много людей, выбитых из седла и скомпрометированных. Немало таких оказалось и в середине IV в. (н. э. – Л. Г.). Все, кто не мог оставаться в ставке тобасского хана или в столице хуннского шаньюя, бежали в степь. Туда же бежали от жестоких господ невольники, из армий – дезертиры, из обедневших деревень – нищие крестьяне. Общим у них было не происхождение, не язык, не вероисповедание, а судьба, обрекающая их на нищенское существование; она-то властно принуждала их организоваться» (Гумилев 1993а: 11–12). Но вообще вопрос о происхождении жужаней весьма дискуссионен (о жужанях подробнее см.: Крадин 2000: 80–94).

¹² Арминий был, несомненно, выдающийся полководец. Херуски вместе с другими племенами под его руководством одержали знаменитую победу над римскими легионами Квинтилия Вара в Тевтобургском лесу в 9 г. н. э. Арминий погиб в результате заговора херусской знати, недовольной его стремлением к единовла-

стию (см.: СИЭ 1967: 746). И это еще один факт, свидетельствующий о почти повсеместной борьбе центробежных и центростремительных сил в политогенезе.

¹³ Примеры такого рода объединений кочевников см.: Крадин (1992; 2001а; 2002). О половцах, а также об огузах, печенегах и других см.: Васютин 2002: 95–96.

¹⁴ Именно слабая централизация и огромная сила в руках аристократии, а также невозможность для центральной власти провести какие-либо реформы и преобразования и прочее, без чего политический организм оказывался бессильным, и определяют мою позицию в отношении этих обществ как аналогов раннего государства. Характерно, что именно во время войны с Цезарем и появились потенциальные возможности для укрепления политической власти, для сосредоточения ее в руках военных лидеров и политических лидеров, таких как Верцингеториг или вождь гельветов Оргеториг, который, по мнению некоторых французских историков, для укрепления своей власти уговорил гельветов начать передвижение в Западную Галлию (см.: Штаерман 1951: 213). Другими словами, именно создание такой новой, экстраординарной ситуации и дает шанс для преобразования догосударственной политики или аналога в раннее государство. Иное дело, что не всем это удастся, как не удалось галлам, не в последнюю очередь из-за позиции аристократии. Другим вариантом политического развития в Галлии могла бы быть прочная гегемония какого-нибудь народа, тех же эдуев. Тогда под влиянием необходимости контролировать огромные территории и население, вероятно, возникли бы более совершенные, собственно уже государственные формы управления. Но такому развитию помешало вторжение римлян.

¹⁵ Однако и государства могут быть членами сложного аналога среднего и крупного государств. Думается, такими были союзы полисов в Греции (Афинского, Пелопоннесского, Коринфского).

¹⁶ У горцев развитие часто идет не путем создания крупных территориальных или этнических образований, а по линии более четкого обособления локальных сегментов (типа общин или независимых кланов). Вследствие этого социальная и политическая организация горских народов включает сумму автономных общин, которые являются основными ячейками общества (см.: Маретина 1995: 81–82).

¹⁷ Империю Чингисхана я однозначно отношу к ранним государствам, хотя некоторые исследователи и ее считают суперсложным вождеством. Например, Т. Д. Скрынникова определяет это общество как предгосударственное и предполитическое (см., например: Скрынникова 1997; Skrynnikova 2004: 525).

¹⁸ По вопросу о времени возникновения государства у скифов нет единой точки зрения (см., например: Смирнов 1966а: 146–150). Например, А. М. Хазанов полагает, что уже в VII–V веках до н. э. существовали Скифские царства (Хазанов 1975; Khazanov 1978). Я присоединяюсь к мнению тех, кто считает, что это произошло именно при царе Атее, по следующим причинам: в политическом и социальном отношении произошло устранение других царей и усиление царской власти. Территория политики расширилась, усилились этническая неоднородность и эксплуатация зависимого населения, а также и процесс социальной стратификации. В экономическом отношении появился более прочный базис для государства в результате расширения торговли, которую контролировала верхушка общества, и усилившегося процесса перехода части скифов к оседлости (Хазанов 1975; [Мелюкова, Смирнов] 1966: 219–220).

¹⁹ И, кстати, этот факт отмечается даже теми, кто считает такие вождества догосударственными обществами в стадильном смысле. Например, Роберт Карнейро, твердый сторонник жесткой эволюционной стадильной схемы «вождество –

государство», выделяет вождества, которые включают в себя до ста поселений (Carneiro 1981; 2000a; Карнейро 2000). При этом он пишет: «Понятие вождества, несомненно, охватывает большой диапазон уровней развития. Оно начинается с первоначального объединения нескольких общин в более крупную политическую единицу. А завершается политией, которая столь велика и сложна, что достойна называться государством» (Карнейро 2000: 90; Carneiro 2000a: 55–56).

²⁰ Это можно представить более подробно и наглядно в сравнении с теми крутыми изменениями, которые произошли в период формирования уже собственно Гавайского государства в начале XIX в. Если суммировать, то с учетом тех признаков, которые отличают аналоги от ранних государств (о них см. с. 112 и далее), гавайским политиям мешало стать государством:

1. Слишком сильное социальное деление по признаку родства и соответственно слишком большая роль положения в родственной иерархии для занятия какого-либо заметного места в иерархии управления. Хотя и в ряде ранних государств (например в Чжоусском Китае) этот фактор имел очень важное значение, но все же на Гавайях его значимость была исключительной. Социальное положение человека определялось едва ли не по единственному критерию: генеалогической близости к старшей родственной линии (см., например: Bellwood 1987: 97–98; Claessen 1996; Sahlins 1972a). С объединением Гавайских островов Камехамехой I в начале XIX в., уничтожением или понижением значимости побежденных вождеских родов (в том числе путем конфискации их земель) возможности для включения незнатных или недостаточно знатных людей в правящий слой возросли. В частности, приближенные нового короля получили власть и земли на завоеванных территориях, позже на службу были привлечены иностранцы и даже наделены имениями с даровой рабочей силой (см.: Тумаркин 1964: 94; 88–90; 1971: 21 и др.).

2. Запутанность родственных отношений, включая и распространение фальшивых родословных, а также трудности изменения сложившейся системы не позволяли гавайским вождествам решительно перераспределить властные полномочия в пользу центра. В этом плане формирование единого правящего рода и уничтожение вождеской знати подорвало возможности сопротивления центру, которое, как правило, возглавляли недовольные и обиженные вожди (см.: Sahlins 1972b; Салинз 1999). Это естественно усилило власть центра и явилось крайне важным моментом в процессе формирования собственно государства. Стоит также отметить, что в отличие от верховного вождя король стал менее зависеть от своих приверженцев.

3. Слишком сильная роль традиций (то есть превосходства старших родственных линий и оправдывающей его религии) и соответственно слабая роль новых и нетрадиционных форм и способов регулирования жизни. С образованием единого государства изменилось очень многое не только в политической, но и в социальной жизни, в быте высших слоев, даже в придворном церемониале, обычаях и одежде при дворе (Ёрл 2002: 79; Johnson, Earle 2000: 294).

4. Слабые возможности центра для изменения отношений в обществе, поскольку весь порядок держался на указанной идеологии сакральности и превосходства знатных родов и линий. Поэтому всякие изменения подрывали не просто идеологию, но и само положение правящей группы. Также и попытки повысить нормы эксплуатации простолюдинов, если верить Салинзу (Sahlins 1972b; Салинз 1999), наткнулись на их сопротивление и часто кончались восстаниями. Быстрые изменения после образования раннего гавайского государства в течение двух десятилетий в плане реформ (например создания регулярной армии и полиции) и в плане повышения эксплуатации, в частности в заготовках сандалового дерева (Тумаркин 1964: 102–103; 1971: 20), а также в отношении изменения религиозных

обычаев и порядков (Сервис и другие исследователи даже говорят о «гавайской культурной революции» [Service 1975: 156–158]) наглядно показывают, чем отличается раннее государство от аналогов.

²¹ Как уже сказано, формы могли быть самые разные. Например, можно предположить, что некоторые тайные союзы, подобные известным в Меланезии и особенно в Африке, могли вырастать до такого рода аналогов ранних государств, особенно если происходил некий симбиоз и такие союзы становились фактически частью аппарата власти, как это было, например, у *менде* и *темне* в Западной Африке (Куббель 1988: 241). Такие союзы объединяли весьма большие территории своеобразными горизонтально-вертикальными связями. У многих африканских народов они стали той структурой, из которой непосредственно вырастала сакральная верховная власть (Куббель 1988: 241).

²² В частности, Д. М. Бондаренко считает, что Бенин XIII–XIX веков следует рассматривать не как раннее государство, а как особый тип комплексного негосударственного иерархического социополитического организованного общества. Такое общество он называет «мегаобщиной», поскольку оно было сверху донизу охвачено общинными и квазиобщинными отношениями и понятиями и в целом представляло как бы одну гигантскую «мегаобщину» (см., в частности: Bondarenko 1995; 2000a; 2000b; 2005; Бондаренко 1995; 2000; 2001). Однако я не включил «мегаобщину» в свою классификацию аналогов, поскольку сам склоняюсь к тому, чтобы считать Бенин, скорее, ранним государством, чем особым типом аналога государства. Тут важно привести пояснения самого Бондаренко, который говорит (курсив везде мой. – Л. Г.): «Таким образом, в соответствии с практически общепринятой идеей о неразрывности связи между существованием государства и бюрократии, следует признать, что бенинская мегаобщина государством (или «зрелым государством», в категориях Классена) не была. Ее нельзя также признать государством и с позиций Моргана и американских неоеволюционистов, так как в Бенине не было соблюдено ни одно из трех необходимых условий» (то есть *территориальное административное деление; налоги; бюрократический отделенный от населения аппарат*. – Л. Г.). Но очень показательно, что далее он добавляет: «Если же исходить из концепции раннего государства, Бенин эпохи Второй династии при желании *можно рассматривать в качестве такового*» (Бондаренко 2001: 249–250).

Иными словами, во многом наши различия в подходе к определению политической сущности Бенина определяются разными подходами к тому, что следует понимать под государством. Я не считаю необходимым для раннего государства наличие указанных признаков и, в частности, развитого бюрократического аппарата в веберовском понимании бюрократии (как это делает Бондаренко). И думается, что не только Бенин, но и мало какие африканские государства подходят под эти признаки государства.

В то же время к выдвинутым мной четырем признакам раннего государства Бенин вполне подходит. И по силе центральной власти, и по способности менять отношения (и административную структуру [см.: Бондаренко 1995: 183–189]) и проводить реформы, и по способам подбора управленцев и назначенцев, и по усилиям на перераспределение власти бенинская полития является ранним государством. Например, едва ли не большинство управленцев обладали ненаследственным титулом и считались назначенными правителем-*оба*, кроме того, любой вождь мог лишиться должности по повелению *оба* (Бондаренко 2001: 247, 248). Власть же *оба* была весьма реальной, эффективной и положила конец сепаратистским настроениям, что было не под силу предшествующим правителям (там же: с. 246). В данной работе, однако, нет возможности более подробно останавливаться на анализе политического строя Бенина.

Особо следует подчеркнуть позицию В. А. Попова. На примере конфедерации Ашанти в XVIII–XIX вв. (побережье Гвинейского залива), представлявшей самый крупный и самый известный союз среди аканских народов (Попов 1995: 188), он рассматривает проблему первичных и вторичных государств. Первичные – те, где преобладал классогенез (Попов, правда, не приводит примеры таких государств, возможно, такими он считает древние ирригационные государства). То есть это государство в марксистском смысле слова, возникшее за счет внутренних факторов, государство как политическая организация экономически господствующего класса (зрелое государство, государство в полном смысле слова, по его определению) (Попов 1995: 197). Вторичные государства – те, в которых отсутствует развитая частная собственность и эксплуатация на ее основе, экономические классы, где политогенез стимулируется внешними факторами (войной, внешней торговлей). Конфедерация Ашанти было вторичным государством и возникла она под воздействием внешних факторов, как, впрочем, и большинство других государств Африки. Например, Н. Б. Кочакова (1995: 162) пишет, что государства Бенинского залива Ойо, Дагомея и Бенин во многом образовались благодаря трансатлантической работорговле.

В более ранних работах В. А. Попов определяет эту конфедерацию как «союз племен, аналогичный Лиге ирокезов, Конфедерации криков, Союзу гуронов» и т. п. надплеменным образованиям (Попов 1982: 144). Правда, в социальном плане ашантийцы существенно опережали ирокезов и других индейцев Северной Америки. Кроме того, конфедерация Ашанти была и существенно больше по населению. Еще в XVII вв. она могла выставить до 60 тыс. воинов (см.: Попов 1990: 119). Сравните с 20 тыс. общего населения ирокезов.

Теперь же он считает, что ашантийская конфедерация все же более похожа на примитивное государство (наличие определенных административных органов управления, тенденция к замене родоплеменной знати служивой знатью; начало налогообложения; проведения ряда реформ в управлении, особенно реформ Осая Коджо, и т. п. [Попов 1995: 189–195; 1990: 131]). Но поскольку там отсутствовали экономические классы, а политическая сторона опережала в развитии социальную, то В. А. Попов говорит о том, что у ашанти имелся некий «синдром государства», но вот в марксистском понимании государства не было (1995: 194).

Вывод В. А. Попова таков, что не надо заниматься терминотворчеством, а следует оставить понятие государства за классовыми государствами, а политии типа ранних государств (каковым и является конфедерация Ашанти и многие другие африканские государства) считать парapolитейными (парагосударственными, квазигосударственными) (Попов 1995). Я не думаю, что такая предложенная им терминология менее запутывает дело, чем термин «раннее государство», который, по крайней мере, является понятием, описывающим определенную стадию политогенеза.

²³ Например, дружинники на Руси, в Скандинавии, в других местах могли сделать выдающуюся карьеру, а в Древнем Египте, Вьетнаме и других государствах простолудин, получивший образование, мог стать большим вельможей.

²⁴ Относительно численности ирокезов Морган в «Лиге ирокезов» говорил, что существуют большие расхождения в ее определении. Сам он полагал, что к 1650 г., то есть к моменту наибольшего могущества Лиги, их было 25 тыс. человек (Морган 1983: 21–22). В «Древнем обществе» он уже более осторожен, заявляя, что их численность никогда не превышала 20 тыс., если когда-либо достигала такой цифры (Морган 1934: 74). Но и цифра в 20 и даже в 15 тыс. человек сравнима с населением малого государства. О том, что политические механизмы ирокезской конфедерации были более отлажены и эффективны, чем у других конфедераций североамериканских индейцев, см.: Vorobyov 2000: 158.

²⁵ Вроде хунну, особенно при первых правителях-шаньюях (Моде и других во II в. до н. э.), поскольку позже политическая система несколько примитивизировалась (см.: Kradin 2000a: 296).

²⁶ См., например: Миллер 1984, где о некоторых описываемых автором «королевствах» и «государствах» складывается именно такое впечатление, хотя Миллер избегает приведения каких-либо цифр.

²⁷ Например, государство Инков, оценки численности населения которого колеблются от 3 до 37 млн чел. (см.: Schaedel 1978: 293–294). Так, Джонсон и Ёрл, а также Фейнман (Johnson, Earle 2000: 246; Feinman 1998: 98) определяют население государства Инков в 14 млн чел.; а Березкин (1991: 78) в 10 млн чел.

²⁸ Население некоторых образований, вроде гуннской «империи» Аттилы, также могло быть очень большим, но такие политии в отличие от хуннской были непрочными.

²⁹ В Польше уже в период правления Болеслава Храброго в начале XI в. проживало примерно 700 тыс. чел. (рассчитано по: Якубский 1993: 13).

³⁰ Спенсер считает, что «в любой эволюционной последовательности принимающая решения власть должна быть централизована, прежде чем внутренняя административная специализация и сопутствующее частичное делегирование власти могут осуществляться» (Spencer 2000: 157).

³¹ Потребность в консенсусе «вызывает отсутствие стабильности в центре конфедерации и ведет к потере связи с “окраинами”» (Фентон 1978: 114).

³² Об основных функциях формирующегося государства см.: Service 1975: XIII. Относительно того, какие проблемы почти всегда стоят перед ранним государством, см.: Claessen 1978a: 576. Стоит отметить, что верховная власть все заметнее приобретает и статус верховного арбитра, что является одной из важнейших характеристик государства (Service 1975; Stone 1989: 7).

³³ О том, какие типы ранних государств можно выделить, помимо бюрократического, см.: Гринин 2006б; а также: Гринин 2001–2005; 2006а.

³⁴ Иногда говорят о делегировании задач (Claessen 1978a: 576), но это только часть указанного мной принципа. Также и понятие, которое использует Спенсер, «делегированное принятие решений» для обозначения стратегии назначения из столицы на места управленцев низшего уровня с ограниченными полномочиями (Spencer 2000: 157) составляет только часть указанного мной принципа.

³⁵ В Китае еще на самой заре формирования государства появляется «сентенция, уподобляющая государственное устройство строению человеческого тела, а именно: государь – это голова, а сановники или же чиновники – это его руки и ноги, глаза и уши» (Бокщанин 1998a: 213). Аналогичный образ использовался и гавайцами, но уже после формирования там государства в XIX веке (см.: Johnson, Earle 2000: 302).

³⁶ В частности, специализация деятельности по кланам могла являться одним из источников формирования госаппарата и аппарата принуждения. Например, в Древней Японии VI века н. э. император Кэйтай «делил власть с кланами Мононобэ и Опоото, которые поставляли воинов для карательных походов, и с кланами Накатоми и Сога, поставлявшими специалистов культа». Однако постепенно под воздействием централизации государственной власти «различия, восходившие к специализации родов на особых видах деятельности», сглаживались, и эти виды деятельности «заново распределялись внутри высшего класса» (Patterson 1995: 131–132. См. также: Дьяконова 1989: 214). Тем не менее для Японии такая ситуация во многом сохранялась и позже (см.: Пасков 1987; Мещеряков, Грачев 2003).

³⁷ Так можно назвать членов родственной группы, только из числа которой выделялись управленцы и функционеры на определенные должности.

³⁸ См. о роли царских слуг в управлении в Египте в Древнем царстве: Janssen 1978: 223. Роль слуг была заметной повсеместно. Хозяйствами древнерусских и первых московских князей обычно управляли особые холопы, дворские, которые также выполняли различные государственные и политические поручения (см., например: Платонов 1994: 129). В королевстве Ойо в Африке иностранные рабы держали в своих руках большинство ключевых позиций в столице и провинциях (Кочакова 1986: 255). Для Африки в период трансатлантической работорговли рабы вообще стали играть исключительно важную роль. Рабы и зависимые люди часто составляли охрану и особые войска. В частности, «резервом для формирования царских дружин в раннефеодальных государствах Африки были домашние рабы», иногда включавшиеся в состав войска тысячами. Нередко они выполняли также и полицейские функции (Кобищанов 1974: 168–169. См. также: Годинер 1982: 94–96; Киселев 1985: 98–102; Орлова, Львова 1978: 253). В свою очередь, новая элита стремилась обзавестись зависимыми людьми, что достигалось нередко за счет невольников и захваченных в плен (см.: Киселев 1985: 101–102; Куббель 1976: 107–108). Это было распространено и в Киевской Руси (см., например: Ключевский 1937, т. 1). Можно вспомнить также, что арабские халифы комплектовали свои войска, особенно гвардию, из иноземных рабов-гулямов, которые впоследствии в Египте захватили власть и стали правящим сословием (*мамлюков*).

³⁹ Нетрадиционные методы применялись в догосударственных и негосударственных образованиях, но не как основные. В ранних государствах существенно повышается и их значимость, и отношение к ним со стороны верховной власти, которая все чаще начинает использовать их как важнейшее орудие своей политики. Совсем новых методов могло быть и не так много.

⁴⁰ В знаменитом древнеиндийском трактате о политике «Артхашастра», написанном, как предполагают, Каутилей, министром царя Чандрагупты в конце IV века до н. э., очень много места уделено сведениям о контроле над теми, кто выполнял роль «надзирателей» за подданными и «элементами царства», и «проверке исполнения ими традиционных или специально оговоренных норм, договоров, обязательств, проверке честности при передаче в казну должной части дохода, а также осуществлении наказаний, штрафования и устранении нарушителей... тех, кто присваивал царское имущество, царскую долю доходов и т. д.» (Лелюхин 2000: 37, 42). Такие проблемы типичны для ранних государств.

⁴¹ Например, у зулусов юноши должны были проходить своего рода военное обучение в военных краях в течение достаточно длительного времени, и только после этого они получали право жениться. Правитель зулусов Чака, который вел бесконечные войны и был заинтересован в возможно большей численности армии, чрезмерно усилил указанную традицию. Он запрещал воинам жениться в течение многих лет, поскольку они непрерывно находились на военной службе. Такое право он давал только за особые заслуги отдельным воинам или целым частям (см.: Риттер 1968).

⁴² Нечто подобное было и в ряде ранних государств, в том числе в Китае, где, например, в шанском обществе система родства не имела еще четких критериев, в частности, основные и побочные ветви еще не сильно различались. Зато в последующие периоды такая формализация усилилась (см.: Бокщанин 1998б: 230).

⁴³ Вот прямое подтверждение этой мысли историком: «При отсутствии органов государственной власти отношения между людьми в райбунском обществе полностью регулировались традициями, главным хранителем которых являлось жречество» (Frantsuzov 2000: 263).

⁴⁴ «Можно даже сказать, что наличие государства следует констатировать лишь в том случае, если в данном обществе совершился переход от обычая к закону», – считает Якобсон (1997: 7). Бесспорно, это чрезмерно категоричное заявление, тем более для раннего государства, но все же важность отхода от традиций подмечена верно.

⁴⁵ Ярким примером является Исландия, где альтингом (народным собранием) в 1000 году н. э. был принят закон о христианстве. Таким образом, исландцы не только добровольно изменили религию, но и оформили этот шаг законодательно. При этом были учтены интересы населения и проявлена веротерпимость, в частности, было разрешено употреблять конину (основную мясную пищу) и приносить тайно жертвы языческим богам. В Исландии также было принято решение о разделе крупных земельных хозяйств знати (хавдингов) между фермерами (бондами). Этот раздел завершился в основном в середине XI в. (см.: Ольгейрссон 1957: 179–186, 189–191).

⁴⁶ Здесь даже происходит противоположное движение. В период коренных изменений в Исландии (конец X – первая треть XI века) политическая жизнь была наполнена борьбой и противостоянием сторонников и противников Норвегии, приверженцев старой и новой религии, что и получило отражение в сагах. Казалось бы, после победы народовластия политическая жизнь должна стать более регулярной, систематической, охватывающей все новые области жизни. Однако, напротив, в следующем столетии, с 1030 по 1130 год, она замирает, и об этом периоде мало рассказывается в сагах. «Общество, состоящее из зажиточных бондов-«средняков», было миролюбивым и единообразным, в нем происходило мало крупных событий» (Ольгейрссон 1957: 191). Напротив, жизнь народовластных Афин все более политизировалась, а органы управления и суда становились разветвленнее. Кроме того, надо учитывать, что альтинг был не только законодательным собранием, но также играл роль высшего суда, поэтому разбор тяжб мог занимать основную часть времени его работы.

⁴⁷ Например, согласно уже упоминавшейся «Артхашастре» в Индии в IV в. до н. э. в числе основных проводников политики царя были многочисленные «тайные люди» и согладатаи (см.: Лелюхин 2000; Лелюхин, Любимов 1998а; Lehoukhine 2000: 272; Mishra P., Mishra J. 2002). Причем они нередко прибегали к весьма изощренным и даже жестоким методам, в том числе убийствам, грабежам, конфискациям, что внушало страх населению (см.: Косамби 1968: 169).

⁴⁸ Как справедливо замечает Эдвард ван дер Влит (см. в настоящем томе), способ формирования гражданской армии гоплитов в Древней Греции значительно отличался своего рода самоорганизации по сравнению со способом и обстоятельствами, при которых собирались военные отряды в племенных группах или сегментарных линиджах. Он также указывает, что гоплитские фаланги были, в первую очередь, отражением и выражением порядка, то есть организованной дисциплины, которая появлялась не автоматически из внутреннего содержания, но навязывалась извне – или сверху.

⁴⁹ Например, царь Аккада Саргон Древний «окончательно отбросил все старые традиционные титулы и стал называть себя «царем четырех стран света» (Дьяконов 2000в: 61).

⁵⁰ Например, во многих африканских государствах царь мог изменить социальное положение человека (Токарев, Кобищанов 1978: 257).

⁵¹ В том числе ограничение права населения на применение насилия, особенно запрет кровной мести и подобных обычаев.

⁵² Например, в Бенине правитель мог создавать новые вождества – «чифдомы насажденные» – помимо тех, что образовались самостоятельно – «чифдомы выросшие» (см.: Бондаренко 1995: 183–189).

⁵³ Пространственная интеграция (то есть такое расположение важных населенных пунктов и городов, которое показывает определенную иерархию как общества, так местностей в структуре общества. – Л. Г.) считается признаком начального процесса образования государства (см.: Loznu 1995: 90).

⁵⁴ Так, комментируя положение власти у эдуев, наиболее могущественного народа у галлов времен Цезаря, Франсуаза Леру пишет: «Ясно виден процесс деградации. Сперва была максимально сокращена компетенция царской власти, затем, из опасения, что она останется все еще слишком широкой, статус царя был попросту и окончательно упразднен и заменен двумя магистратами, назначаемыми ежегодно, как римские консулы, с той только разницей, что они не обладали никакой реальной властью» (Леру 2000: 124).

⁵⁵ Под редистрибуцией в раннем государстве иногда понимают (например: Claessen, van de Velde 1991: 9) такое явление, когда значительная часть распределяемых благ и трудовых услуг поступает в центр государства для материального обеспечения правителя и распределяется затем для различных нужд (обороны, строительства, в пользу храмов, для поддержания дорог и т. п.).

⁵⁶ «Распад и смена одних “имперских” образований другими в XIX в., перемещение “имперских” политических центров были проявлением поступательного развития ранней африканской государственности...» (Кочакова 1986: 270; см. также: Ambrosino 1995; Kowalewski *et al.* 1995).

⁵⁷ Так, Н. Б. Кочакова (1986: 270) характеризует влияние некоторых африканских империй на всю территорию Бенинского залива.

ЛИТЕРАТУРА

Аверкиева, Ю. П. 1973. О путях распада родового строя. В: Бромлей, Ю. В. (ред.), *Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология* (с. 51–57). М.: Наука.

Агларов, М. А. 1988. *Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в.* М.: Наука.

Александренков, Э. Г. 1976. *Индейцы Антильских островов.* М.: Наука.

Альбедиль, М. Ф. 1991. *Забывтая цивилизация в долине Инда.* СПб.: Наука.

Баглай, В. Е. 1995. Древнеацтекское государство: структура власти и управления. В: Попов 1995б: 230–258.

Баткин, Л. М. 1970. Период городских коммун. В: Сказкин и др. (ред.) 1970: 200–272.

Батыр, К. И., Поликарпова, Е. В. (ред.) 1996. *Хрестоматия по всеобщей истории государства и права.* Т. 1. М.: Юрист.

Белков, П. Л.

1993. Проблема генезиса государства: перерастает ли вождество в государство? В: Следзевский, И. В. (ред.), *Цивилизации Тропической Африки: общества, культуры, языки* (с. 29–40). М.: Институт Африки РАН.

1995. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? В: Попов 1995б: 178–182.

Бернадская, Е. В. 1970. Политический строй итальянских государств. Синьории и принципаты. В: Сказкин и др. (ред.) 1970. Т. 1: 295–346.

Берве, Г. 1997. *Тираны Греции* / пер. с нем. Ростов н/Д: Феникс.

Березкин, Ю. Е. 1991. *Инки. Исторический опыт империи*. Л.: Наука.

Бессмертный, Ю. Л. 1972. Возникновение Франции. В: Манфред, А. З. (ред.), *История Франции*: В 3 т. Т. 1: 9–68. М.: Наука.

Бобровников, В. О. 2002. Берберы (XIX – начало XX в. н. э.). В: Бондаренко, Коротаев (ред.) 2002: 177–195.

Бокшанин, А. А.

1998а. Зарождение административно-управленческого аппарата в Древнем Китае. В: Лелюхин, Любимов 1998б: 204–224.

1998б. Сложение государственно-административных институтов в Китае (эпоха Шан-Инь, XVI – середина XI в. до н. э.). В: Лелюхин, Любимов 1998б: 225–249.

Бонгард-Левин, Г. М. 1973. *Индия эпохи Маурьев*. М.: Наука.

Бонгард-Левин, Г. М., Ильин Г. Ф. 1969. *Древняя Индия. Исторический очерк*. М.: Вост. лит-ра, Наука.

Бондаренко, Д. М.

1995. *Бенин накануне первых контактов с европейцами. Человек. Общество. Власть*. М: Институт Африки РАН.

2000. «Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории. В: Крадин и др. (ред.) 2000: 198–206.

2001. *Доимперский Бенин: формирование и эволюция социально-политических институтов*. М.: Институт Африки РАН.

Бондаренко, Д. М., Коротаев А. В. (ред.) 2002. *Цивилизационные модели политогенеза*. М.: Институт Африки.

Бочаров, В. В. 1991. Политические системы Тропической Африки: от племени к государству. В: Ильин, Ю. М., Попов, В. А., Следзевский, И. В. (ред.), *Племя и государство в Африке* (Материалы выездной сессии Научного совета, состоявшейся в Ленинграде 5–6 мая 1991) (с. 65–75). М.: Институт Африки РАН.

Бродель, Ф. 1995. *Что такое Франция?* Кн. 2. Люди и вещи. Ч. 1. Численность народонаселения и ее колебания на протяжении веков / пер. с фр. М.: Изд-во имени Сабашниковых.

Буданова, В. П. 1990. *Готы в эпоху Великого переселения народов*. М.: Наука.

Ванчура, В. 1991. *Картины из истории народа чешского*: В 2 кн. Кн. 1 / пер. с чеш. М.: Худ лит-ра.

Васильев, Л. С. 1983. *Проблемы генезиса Китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации)*. М.: Наука.

Васютин, С. А. 2002. Типология потестарных и политических систем кочевников. В: Крадин, Бондаренко 2002: 86–98.

Вейнберг, И. П. 1989. Сирия, Финикия и Палестина в первой половине I тысячелетия до н. э.. В: Дьяконов, И. М. (ред.), *История древнего мира*. Т. 2. Расцвет древних обществ (с. 95–114). М.: Наука.

Вигасин, А. А. 2000. Древняя Индия. В: Якобсон (ред.) 2000: 389–432.

Виткин, М. А. 1968. Проблема перехода от первичной формации ко вторичной. В: Данилова (ред.) 1968: 425–454.

Возгрин, В. Е. 1990. Генезис датского абсолютизма. В: Рутенбург, В. И., Медведев, И. П. (ред.), *Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.)* (с. 132–176). Л.: Наука.

Воробьев, Д. В. 2002. Ирокезы (XV–XVIII в. н. э.). В: Бондаренко, Коротаев (ред.) 2002: 159–176.

Гавлик, Л. 1985. Государство и держава моравян (К вопросу о месте Великой Моравии в политическом и социальном развитии Европы). В: Санчук, Г. Э., Популик, Й. (ред.), *Великая Моравия. Ее историческое и культурное значение* (с. 96–107). М.: Наука.

Гиоргадзе, Г. Г. 1989. Ранняя Малая Азия и Хеттское царство. В: Дьяконов, И. М. (ред.), *История древнего мира*: В 3 кн. Кн. 1. Ранняя древность (с. 212–234). М.: Наука.

2000. Ранняя Малая Азия и Хеттское царство. В: Якобсон (ред.) 2000: 113–127.

Гиренко, Н. М. 1993. Племя и государство: проблемы эволюции. В: Попов (ред.) 1993: 122–131.

Глускина, Л. М. 1983. Дельфийский полис в IV в. до н. э.. В: Голубцова (ред.) 1983: 43–72.

Годинер, Э. С.

1982. *Возникновение и эволюция государства в Буганде*. М.: Наука.

1991. Политическая антропология о происхождении государства. В: Козлов, С. Я., Пучков, П. И. (ред.), *Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения* (с. 51–78). М.: Наука.

Голубцова, Е. С. (ред.) 1983. *Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т. 2. Кризис полиса. М.: Наука.

Гринин, Л. Е.

1997. Формации и цивилизации. Глава 4. Социально-политические, этнические и духовные аспекты социологии истории. *Философия и общество* 5: 5–63.

2000. *Политогенез: генеральная и боковые линии (доклад на Международной конференции «Иерархия и власть в истории цивилизаций». Москва. 15–18 июня 2000)*. Волгоград.

2001–2005. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства). *Философия и общество*: № 4/2001 (с. 5–60); 2/2002 (с. 5–74); 3/2002 (с. 5–73); 2/2003 (с. 5–42); 3/2003 (с. 5–57); 1/2004 (с. 5–44); 4/2004 (с. 5–44); 4/2005 (с. 5–29).

2003а. *Производительные силы и исторический процесс*. Изд. 2-е. Волгоград: Учитель.

2003б. *Философия, социология и теория истории*. Изд. 3-е. Волгоград: Учитель.

2006а. *Государство и исторический процесс*. Волгоград: Учитель. (В печати.).

2006б. Раннее государство и демократия. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 337–386).

2006в. От раннего к зрелому государству. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 523–556).

Гуляев, В. И.

1977. Города-государства древних майя. В: *Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции «Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья»* (с. 20–24). Л.: Наука.

1986. Типология древних государств: Месопотамия и Мезоамерика. В: *Древние цивилизации Востока (Материалы 2-го Советско-американского симпозиума)* (с. 81–85). Ташкент: изд-во ФАН Узбекской ССР.

Гумилев, Л. Н.

1993а. *Древние тюрки*. М.: Клышников, Комаров и К°.

1993б. *Хунну*. СПб: Тайм-Аут-Компасс.

Гуревич, А. Я.

1970. *Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе*. М.: Высшая школа.

1972. *История и сага*. М.: Наука.

1980. Образование раннефеодального государства в Норвегии (конец IX – начало XIII в.). В: Кан, А. С. (ред.), *История Норвегии* (с. 126–151). М.: Наука.

Данилова, Л. В. (ред.) 1968. *Проблемы истории докапиталистических обществ*. М.: Наука.

Дешан, Ю. 1984. История большого острова. В: Ольдерогге, Д. А. (ред.), *История тропической Африки (с древнейших времен до 1800 г.)* (с. 345–357). М.: Наука, изд-во Вост. лит-ры.

Джонсон, Г. А. 1986. Соотношение между размерами общества и системой принятия решений в нем. В: *Древние цивилизации Востока (Материалы 2-го Советско-американского симпозиума)*. Ташкент: изд-во ФАН Узбекской ССР.

Дьяконов, И. М.

1951. Реформы Уркагины в Лагаше. *Вестник древней истории*: 15–32.

1956. *История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э.* М.–Л.: изд-во АН СССР.

1983 (ред.). *История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой формации*. Т. 1. Месопотамия. М.: Главная редакция вост. лит-ры.

2000а. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. В: *Якобсон 2000*: 27–44.

2000б. Города-государства Шумера. В: *Якобсон 2000*: 45–56.

2000в. Переход к территориальному государству в Месопотамии. В: *Якобсон 2000*: 57–66.

Дьяконова, Е. М. 1989. Древняя Япония. В: Дьяконов, И. М. (ред.), *История древнего мира*: В 3 кн. Кн. 3. Упадок древних обществ (с. 211–219). М.: Главная редакция вост. лит-ры.

Ёрл, Т. К. 2002. Гавайские острова (800–1824 гг.). В: Бондаренко, Коротаев 2002: 77–88.

Залесский, Н. Н. 1959. *Этруски в Северной Италии*. Л.: изд-во Ленинград. ун-та.

Карнейро, Р. Л. 2000. Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства. В: Крадин, Н. Н., и др. (ред.) 2000: 84–94.

Киселев, Г. С. 1985. *Доколониальная Африка. Формирование классового общества (состояние проблемы и перспективы ее разработки)*. М.: Наука.

Классен, Х. Дж. М.

2005. Эволюционизм в развитии. *История и современность 2*: 3–22.

2006. Было ли неизбежным появление государства? В: Гринин Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 71–84).

Ключевский, В. О. 1937. *Курс русской истории*. Часть 1. М.: Государственное социально-экономическое изд-во.

Кобищанов, Ю. М.

1974. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития. В: Куббель, Л. Е. (ред.), *Африка: возникновение отсталости и пути развития* (с. 85–290). М.: Наука.

1995. *Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций*. М.: Роспэн.

Колесницкий, Н. Ф. 1963. Об этническом и государственном развитии средневековой Германии (VI–XIV вв.). *Средние века* 23: 183–197.

Коротаев, А. В.

2000а. От государства к вождеству? От вождества к племени? (Некоторые общие тенденции эволюции южноаравийских социально-политических систем за последние три тысячи лет). В: Попов 2000: 224–302.

2000б. Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (в основном по материалам Северо-Восточного Йемена). В: Крадин и др. 2000: 265–291.

Корсунский, А. Р., Гюнтер, Р. 1984. *Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение варварских королевств (до середины VI в.)*. М.: Изд-во МГУ.

Кочакова, Н. Б.

1986. *Рождение африканской цивилизации (Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея)*. М.: Наука.

1995. Размышления по поводу раннего государства. В: Попов, В. А. (ред.) 1995: 153–164.

1999. *Раннее государство и Африка (аналитический обзор публикаций Международного исследовательского проекта «Раннее государство»)*. М.: Институт Африки РАН.

Косамби, Д. 1968. *Культура и цивилизация Древней Индии* / пер. с англ. М.: Прогресс.

Кошеленко, Г. А. 1983. Введение. Древнегреческий полис. В: Голубцова, Е. С. (ред.), *Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т. 1. *Становление и развитие полиса* (с. 9–36). М.: Наука.

Крадин, Н. Н.

1992. *Кочевые общества*. Владивосток: Дальнаука,

2000. Общественный строй жужаньского каганата. В: Крадин, Н. Н., и др. (ред.), *История и археология Дальнего Востока: к 70-летию Э. В. Шавкунова* (с. 80–94). Владивосток: Изд-во ДВГУ.

2001а. *Империя хунну*. 2-е изд. Владивосток: Дальнаука.

2001б. Кочевники в мировом историческом процессе. *Философия и общество* 2: 108–138.

2002. Структура власти в кочевых империях. В: Крадин, Бондаренко (ред.) 2002: 109–125.

Крадин, Н. Н., Бондаренко, Д. М. (ред.) 2002. *Кочевая альтернатива социальной эволюции*. М.: Институт Африки РАН и др.

Крадин, Н. Н., Лынша, В. А. (ред.) 1995. *Альтернативные пути к ранней государственности. Международный симпозиум*. Владивосток: Дальнаука.

Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лынша, В. А. (ред.) 2000. *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос.

Куббель, Л. Е.

1976. Об особенностях классовообразования в средневековых обществах Западного и Центрального Судана. В: Першиц, А. И. (ред), *Становление классов и государств* (с. 87–123). М.: Наука.

1988. Возникновение частной собственности, классов и государства. В: Бромлей Ю. В. (ред.), *История первобытного общества. Эпоха классовобразования* (с. 140–269). М.: Наука.

Кучма, В. В. 1998. *Государство и право Древнего мира. Курс лекций по истории государства и права зарубежных стран*. Волгоград: Офсет.

Ле Гофф, Ж. 1992. *Цивилизация средневекового Запада* / пер. с фр. М.: Прогресс.

Лелюхин, Д. Н. 2000. «Тайная служба» в древнеиндийской политической теории. В: Васильев, Л. С. (ред.), *Политическая интрига на Востоке* (с. 35–44). М.: Вост. лит-ра.

Лелюхин, Д. Н., Любимов, Ю. В.

1998а. Проблема государства и его критериев. Введение. В: Лелюхин, Любимов 1998б: 3–7.

1998б (ред.). *Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности)*. М.: Биоинформсервис.

Леру, Ф. 2000. *Друиды* / пер. с фр. СПб.: Евразия.

Логинов, А. В. 1988. Крики. В: Бромлей, Ю. В. (ред.), *Народы мира* (с. 233). М.: Советская энциклопедия.

Луццатто, Дж. 1954. *Экономическая история Италии* / пер. с ит. М.: ИЛ.

Мажуга, В. И. 1990. Королевская власть и церковь во франкском государстве. В: Рутенбург, В. И., Медведев, И. П. (ред.), *Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.)* (с. 46–70). Л.: Наука.

Маретина, С. А. 1995. К проблеме универсальности вождеств: о природе вождей у нага (Индия). В: Попов (ред.) 1995: 79–103.

Массон, В. М. 1989. *Первые цивилизации*. Л.: Наука.

Машкин, Н. А. 1956. К вопросу об экономической жизни Греции классического периода. В: Струве, В. В., и др. (ред.), *Древняя Греция* (с. 234–266). М.: Наука.

[**Мелюкова, А. И., Смирнов, А. П.**] 1966. Киммерийцы, скифы, сарматы. В: Плетнева, Рыбаков (ред.) 1966: 214–225.

Мещеряков, А. Н., Грачев, М. В. 2003. *История Древней Японии*. СПб.: Гиперион-Триада.

Миллер, Дж. 1984. *Короли и сородичи. Ранние государства мбунду в Анголе* / пер. с англ. М.: Наука.

Монгайт, А. Л. 1974. *Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века*. М.: Наука.

Морган, Л. Г.

1934 (1878). *Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации* / пер. с англ. Л.: Изд-во института народов Севера.

1983 (1851). *Лига ходеносауни, или ирокезов* / пер. с англ. М.: Наука.

Мортон, А. Л. 1950. *История Англии* / пер. с англ. М.: Изд-во иностранной лит-ры.

Неронова, В. Д. 1989. Этрусские города-государства в Италии. В: Дьяконов, И. М. (ред.), *История древнего мира*. Т. 1. Ранняя древность (с. 369–381). М.: Наука.

Неусыхин, А. И. 1968. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материалах истории Западной Европы раннего средневековья). В: Данилова (ред.) 1968: 596–617.

Ольгейрссон, Э. 1957. *Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии* / пер. с исл. М.: ИЛ.

Орлова, А. С., Львова, Э. С. 1978. *Страницы истории великой саванны*. М.: Наука.

Пасков, С. С. 1987. *Япония в раннее Средневековье. VII–XII века*. Исторические очерки. М.: Наука.

Переломов, Л. С. 1974. Китай в эпоху Лего и Чжаньго. В: Симоновская, Л. В., Юрьев, М. Ф. (ред.), *История Китая с древнейших времен до наших дней* (с. 17–32). М.: Наука.

Перепёлкин, Ю. Я. 2001. *История Древнего Египта*. СПб.: Журнал «Нева», Летний сад.

Першиц, А. И. 1968. Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. В: Першиц, А. И. (ред.), *Разложение родового строя и формирование классового общества* (с. 320–355). М.: Наука.

Петкевич, К.

2005. Украина на перепутье: Казачье государство. *История и современность* 2: 35–63.

2006. Казачье государство. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 280–303).

Платонов, С. Ф. 1994. *Лекции по русской истории*. Т. 1, 2. М.

Плетнева, С. А. 1966. Кочевые народы VII–XIII вв. В: Плетнева, Рыбаков (ред.) 1966: 438–463.

Плетнева, С. А., Рыбаков, Б. А. (ред.) 1966. *История СССР с древнейших времен до наших дней*. Т. 1. *Первобытнообщинный строй. Древнейшие государства Закавказья и Средней Азии. Древняя Русь*. М.: Наука.

Подаляк, Н. Г. 2000. Ганза. В: Сванидзе, А. А. (ред.), *Город в средневековой цивилизации Западной Европы*. Т. 4. *Extra muros: город, общество, государство* (с. 125–150). М.: Наука.

Попов, В. А.

1982. *Ашантийцы в XIX в. Опыт этносоциологического исследования*. М.: Наука.

1990. *Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках*. М.: Наука.

1993 (ред.). *Ранние формы социальной стратификации. Генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции*. М.: Вост. лит-ра.

1995а. Политогенетическая контроверза, паразитичность и феномен вторичной государственности. В: Попов 1995б: 188–204.

1995б (ред.). *Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности*. М.: Вост. лит-ра РАН.

2000 (ред.). *Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика*. СПб.: МАЭ РАН.

Ратцель, Ф. 1902. *Народоведение*: В 2 т. / пер. с нем. СПб.: Типография Товарищества «Просвещение».

Риттер, Э. А. 1968. *Чака Зулу. Возвышение зулусской империи*. / пер. с англ. М.: Наука.

Рознер, И. Г. 1970. Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI–XVIII вв. *Вопросы истории* 8: 42–56.

Рутенбург, В. И. 1987. *Итальянский город. От раннего Средневековья до Возрождения*. М.: Наука.

Рыбаков, Б. А. 1987. Мир истории. Начальные века русской истории. М.: Молодая гвардия.

Рэдклиф-Браун, Э. Э. 1985. *Нуэры* / пер. с англ. М.: Наука.

Садаев, Д. С. 1979. *История Ассирии*. М.: Наука.

Салинз, М. 1999. *Экономика каменного века* / пер. с англ. М.: ОГИ.

Саутхолл, Э. 2000. О возникновении государства. В: Крадин (ред.) 2000: 130–136.

Сказкин, С. Д., Котельникова, Л. А., Рутенбург, В. А. (ред.) 1970. *История Италии*. В 3 т. Т. 1. М.: Наука.

Скрынникова, Т. Д. 1997. *Харизма и власть в эпоху Чингисхана*. М.: Изд. фирма Вост. лит-ра.

Смелзер, Н. 1994. *Социология*. М.: Феникс.

Смирнов, А. П.

1966а. *Скифы*. М.: Наука.

1966б. Кочевники IV–VII в. н. э. В: Плетнева, Рыбаков (ред.): 321–336.

Советская историческая энциклопедия (СИЭ): В 16 т. М.: Советская энциклопедия.

1966. Маробод. *СИЭ* 9: 123.

1967. Арминий. *СИЭ* 1: 746.

1969а. Саксы. *СИЭ* 12: 478–480.

1969б. Саксонская правда. *СИЭ* 12: 475.

1969в. Само. *СИЭ* 12: 512–513.

Стеблин-Каменский, М. И. 1971. *Мир саги*. Л.: Наука.

Струве, В. В., Калистов, Д. П., Блаватская, Т. В., Машкин, Н. А., Зебелев, Т. В., Волгин, В. П. (ред.) 1956. *Древняя Греция*. М.: Наука.

Тейяр де Шарден, П. 1987. *Феномен человека* / пер. с фр. М.: Наука.

Тиханова, М. А. 1958. Готы в Причерноморских степях. В: Рыбаков (ред.), *Очерки истории СССР III–IX вв.* (с. 130–137). М.: Изд-во Академии Наук.

Тишков, В. А. 1988. Гуроны. В: Бромлей, Ю. В. (ред.), *Народы мира* (с. 148). М.: Советская энциклопедия.

Токарев, С. А., Кобищанов, Ю. М. (ред.) 1978. *Община в Африке: проблемы типологии*. М.: Наука.

Тумаркин, Д. Д.

1964. *Вторжение колонизаторов в «край вечной весны»*. М.: Наука.

1971. *Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820–1865*. М.: Наука.

Удальцова, З. В. 1967. Остготы. *СИЭ* 10: 654.

Файрсервис, В. 1986. К вопросу о происхождении Хараппской цивилизации. В: *Древние цивилизации Востока* (с. 188–199). Ташкент: Изд-во «ФАН».

Фентон, У. Н. 1978. Ирокезы в истории. В: Аверкиева, Ю. П. (ред.), *Североамериканские индейцы* (с. 109–156). М.: Прогресс.

Филатов, И. 1965. Исландия. *СИЭ* 6: 341–348.

Филипп, Я. 1961. *Кельтская цивилизация и ее наследие*. Прага.

Федоров, Г. В., Полевой, Л. Л. 1984. «Царства» Бурбисты и Децебала: союзы племен или государства? *Вестник древней истории* 7: 58–80.

Флюер-Лоббан, К. 1990. Проблема матрилинейности в доклассовом и раннеклассовом обществе. *Советская этнография* 1: 75–85.

Фролов, Э. Д. 1986. Рождение греческого полиса. В: Курбатов, Г. Л., Фролов, Э. Д., Фроянов, И. Я. (ред.), *Становление и развитие раннеклассовых обществ (город и государство)* (с. 8–99). Л.: Изд-во ЛГУ.

Хазанов, А. М.

1975. *Социальная история скифов*. М.: Наука.

2002. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе. В: Крадин, Бондаренко (ред.) 2002: 37–58.

Хизриева, Г. А. 2002. Формирование исландской этнокультурной общности в эпоху средневековья. В: Кульпин, Э. С. (ред.), *Природа и самоорганизация общества* (с. 78–92). М.: Московский лицей.

Хорошкевич, А. Л. 1966. Образование единого Российского государства. В: Тихомиров, М. Н., и др. (ред.), *История СССР*. Том 2. Борьба народов нашей страны за независимость в XIII–XVII вв. Образование единого Русского государства (с. 105–141). М.: Наука.

Хоцей, А. С. 2000. *Теория общества*: В 3 т. Т. 2. Казань: Матбугат Йорты.

Хьяульмарссон, Й. Р. 2003. *История Исландии*. М.: изд-во «Весь мир».

Шелов, Д. Б. 1966. Рабовладельческие государства Северного Причерноморья. Ольвия 6–1 в. до н. э. В: Плетнева, Рыбаков (ред): 230–272.

Шмурло, Е. Ф. 2000. *Курс русской истории*: В 4 т. Т. 1: Возникновение и образование Русского государства. СПб.: Алетей; С.-Петербург. ун-т МВД России и др.

Штаерман, Е. М.

1951. Древняя Галлия. Обзор послевоенной буржуазной историографии. *Вестник древней истории* 1 (35): 209–215.

1989. К проблеме возникновения государства в Риме. *Вестник древней истории* 2: 76–94.

Шкунаев, С. В.

1988. Кельты в Западной Европе в V–I вв. до н. э. В: Голубцова, Е. С. (ред.), *История Европы*. Т. 1. Древняя Европа (с. 492–503). М.: Наука.

1989. *Община и общество западных кельтов*. М.: Наука.

Щетенко А. Я. 1979. *Первобытный Индостан*. Л.: Наука.

Энгельс, Ф. 1961. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В: Маркс и Энгельс. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 21: 23–178. М.: Политиздат.

Якобсон, В. А.

1997. Государство как социальная организация (теоретические проблемы). *Восток* 1: 5–15.

2000 (ред.). *История Востока*: В 6 т. Т. 1: *Восток в древности*. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.

Якубский, В. А. 1993. Формирование и развитие феодального общества (до середины XV века). В: Дьяков, В. А. (ред.), *Краткая история Польши. С древнейших времен до наших дней* (с. 5–39). М.: Наука.

Янковская, Н. Б. 1989. Ашшур, Митанни, Аррапхэ. В: Дьяконов, И. М. (ред.), *История древнего мира*. Т. 1. *Ранняя древность* (с. 174–197). М.: Главная редакция вост. лит-ры.

Alexeev, I. L., Beliaev, D. D., Bondarenko, D. M. (eds.) 2004. *Hierarchy and Power in the History of civilizations. Third International Conference. Abstracts of the*

3rd International Conference (Moscow, 18–24 June, 2004). Moscow Center for Civilizational and Regional Studies of the RAS.

Ambrosino, J. N. 1995. Inter-societal Contact and the Rise of the State: a Brief Note Work in Progress. In Kradin, Lynsha 1995: 54–59.

Bargatsky, T. 1987. Upward Evolution, Suprasystemic Dominance, and the Mature State. In Claessen, H. J. M., Velde, P. van de (eds.), *Early State Dynamics* (pp. 24–38). Leiden: Brill.

Beliaev, D. D., Bondarenko, D. M., Frantsouzoff, S. A. (eds.) 2002. *Hierarchy and Power in the History of Civilizations*. Moscow: IAF RAN.

Bellwood, P. 1987. *The Polynesians. Prehistory of an Island People*. London: Thames and Hudson.

Bondarenko, D. M.

1995. Precolonial Benin. In Kradin, Lynsha 1995: 100–108.

2000a. 'Homologous Series' of Social Evolution and Alternatives to the State in World History (An Introduction). In Kradin et al. 2000: 213–219.

2000b. Benin (1st millennium B. C. – 19th century A. D.). In Bondarenko, Korotayev 2000a: 87–127.

2005. A Homoarchic Alternative to the Homoarchic State: Benin Kingdom of the 13th–19th Centuries. *Social Evolution & History* 4 (2): 18–88.

Bondarenko, D. M., Grinin, L. E., Korotayev, A. V.

2002. Alternative Pathways of Social Evolution. *Social Evolution & History* 1: 54–79.

2004. Alternatives of Social Evolution. In Grinin et al. 2004: 3–27.

Bondarenko, D. M., Korotayev, A. V.

2000a (eds.). *Civilizational Models of Politogenesis*. M.: IAF RAN.

2000b. Introduction. In Bondarenko, Korotayev 2000a: 5–31.

Bondarenko, D. M., Sledzevski, I. V. (eds.). 2000. *Hierarchy and Power in the History of Civilizations. Abstracts of the 1st International Conference*. M.: IAF RAN.

Carneiro, R. L.

1967. On the Relationship Between Size of Population and Complexity of Social Organization. *Southwestern Journal of Anthropology* 23: 234–243.

1970. A Theory of the Origin of the State. *Science* 169: 733–738.

1978. Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion. In Cohen, Service 1978: 205–223.

1981. The Chiefdom: Precursor of the State. In Jones, G. D., and Kautz, R. R. (eds.), *The Transition to Statehood in the New World* (pp. 37–79). Cambridge: Cambridge University Press.

2000a. Process VS. Stages: A False Dichotomy in Tracing the Rise of the State. In Kradin, N. N., et al. (eds.) 2000: 52–58.

2000b. *The Muse of History and the Science of Culture*. New York: Kluwer Academic / Plenum Publishers.

Chabal, P., Feinman, G., Skalník, P. 2004. Beyond States and Empires: Chiefdoms and Informal Politics. *Social Evolution & History* 3 (1): 21–38.

Chadwick, N. 1987. *The Celts*. London: Penguin books.

Claessen, H. J. M.

1978a. The Earle State: A Structural Approach. In Claessen, Skalník 1978a: 533–596.

1978b. Early State in Tahiti. In Claessen, Skalník 1978a: 441–467.

1989. Evolutionism in development. *Vienne Contributions to ethnology and anthropology* 5: 231–247.

1996. Ideology and the Formation of Early States: Data from Polynesia. In Claessen, Oosten 1996: 339–358.
2000. Problems, Paradoxes, and Prospects of Evolutionism. In Kradin *et al.* 2000: 1–11.
2002. Was the State Inevitable? *Social Evolution & History* 1: 101–117.
2004. Was the State Inevitable? In Grinin *et al.* 2004: 72–87.
- Claessen, H. J. M., Oosten, J. G. (eds.)** 1996. *Ideology and the Formation of Early States*. Leiden: Brill.
- Claessen, H. J. M., Skalník, P.**
- 1978a. (eds.) *The Early State*. The Hague: Mouton.
- 1978b. Limits: Beginning and End of the Early State. In Claessen, Skalník 1978a: 619–636.
- 1978c. The Early State: Models and Reality. In Claessen, Skalník 1978a: 637–650.
- 1981a. Ubi sumus? The Study of the State conference in retrospect. In Claessen, Skalník (eds.) 1981: 469–510.
- 1981b (eds.). *The Study of the State*. The Hague: Mouton.
- Claessen, H. J. M., Velde, P. van de**
- 1987a. Introduction. In Claessen, van de Velde 1987b: 1–23.
- 1987b (eds.). *Early State Dynamics* (pp. 1–23). Leiden: Brill.
- 1991 (eds.). *Early State Economics*. New Brunswick, N. J.: Transaction.
- Clark, G., Piggott, S.** 1970. *Prehistoric Societies*. Harmondsworth, Middlesex, UK: Penguin Books Ltd.
- Cohen, R.**
1978. Introduction. In Cohen, Service 1978: 1–20.
1981. Evolution, Fission and Early State. In Claessen, Skalník 1981: 96–112.
- Cohen, R., Service, E. R. (eds.)** 1978. *Origins of the State*. Philadelphia: Institute for the Study of Human Issues.
- Crone, P.** 1989. *Pre-Industrial Societies*. Oxford UK – Cambridge MA USA.
- Crumley, C. L.**
1995. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. In Ehrenreich, R. M., Crumley, C. L., Levy, J. E. (eds.), *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies* (pp. 1–15). Washington, DC: American Anthropological Association.
2001. Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity. In Haas 2001b: 19–33.
2005. Remember How to Organize: Heterarchy across Disciplines. In Beekman, Ch. S., Baden, W. W. (eds.), *Nonlinear Models for Archaeology and Anthropology: continuing the Revolution* (pp. 35–50). Aldershot: Ashgate.
- Davenport, W.** 1969. The ‘Hawaiian Cultural Revolution’: Some Political and Economic Considerations. *American Anthropologist* 71: 1–20.
- Diamond, J.** 1999. *Guns, Germs, and Steel. The Fates of Human Societies*. New York – London: W.W. Norton & Company.
- Earle, T. K.**
1997. *How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory*. Stanford, CA: Stanford University Press.
2000. Hawaiian Islands (A. D. 800–1824). In Bondarenko, Korotayev 2000a: 73–86.
- Ehrenreich, R. M., Crumley, C. L., Levy, J. E.** 1995. *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies*. Washington, DC: American Anthropological Association.

Ember, C. R., Ember, M. 1999. *Anthropology*. 9th ed. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, Inc.

Frantsuzoff, S. A. 2000. The Society of Raybūn. In Kradin *et al.* 2000: 258–265.

Feinman, G. M. 1998. Scale and Social Organization: Perspectives on the Archaic State. In Feinman, Marcus 1998: 95–133.

Feinman, G. M., Marcus, J. (eds.) 1998. *Archaic States*. Santa Fe, NM: School of American Research Press.

Fried, M. H.

1967. *The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology*. New York: Random House.

1978. The State, the Chicken, and the Egg; or What Came First? In Cohen, Service 1978: 35–48.

Fortes, M., Evans-Pritchard, E. E. 1987/1940. Introduction. In Fortes, M., Evans-Pritchard, E. E. (eds.), *African Political Systems* (pp. 1–24). London and New York: International African Institute.

Frantsuzov, S. A. 2000. The Society of Raybūn. In Kradin *et al.* (eds.) 2000: 258–265.

Gledhill, J. 1994. *Power and its Disguises: Anthropological Perspectives on Politics*. London – Chicago, IL: Pluto Press.

Grinin, L. E.

2000. Politogenesis: General and Lateral Branches. In Bondarenko, Sledzevski 2000: 51.

2002a. *General Context of the Social Evolution at the Early State Formation*. Volgograd: Uchitel.

2002b. General Context of the Social Evolution at the Early State Formation. In Beliaev *et al.* 2002: 86–87.

2003. The Early State and its Analogues. *Social Evolution & History* 1: 131–176.

2004 a. Democracy and Early State. *Social Evolution & History* 3 (2): 93–149.

2004 b. Early State and Democracy. In Grinin *et al.* 2004: 419–463.

2004c. The Early State and Its Analogues: A Comparative Analysis. In Grinin *et al.* 2004: 88–136.

Grinin, L. E., Carneiro, R. L., Bondarenko, D. M., Kradin, N. N., Korotayev, A. V. (eds.) 2004. *The Early State, Its Alternatives and Analogues*. Volgograd: Uchitel.

Haas, J.

2001a. Nonlinear Paths of Political Centralization. In Haas 2001b: 235–243.

2001b (ed.). *From Leaders to Rulers*. New York etc.: Kluwer Academic/Plenum Publishers.

Harris, M. 1995. *Cultural Anthropology*. 4th ed. New York: Addison-Wesley.

Haviland, W. A. 1991. *Anthropology*. 6th ed. Fort Worth, Chicago, IL, etc.: Holt, Rinehart and Winston.

Janssen, J. J. 1978. The Early State in Ancient Egypt. In Claessen, Skalnik 1978a: 213–234.

Johnson, G. 1981. Monitoring Complex System Integration and Boundary Phenomena with Settlement Size Data. In Leeuw, S. E. van der (ed.), *Archaeological Approaches to the Study of Complexity* (pp 144–188) Amsterdam: van Giffen Instituut voor Prae-en Protohistorie.

Johnson, A. W., Earle, T. K. 2000. *The Evolution of Human Societies: from Foraging Group to Agrarian State*. 2nd ed. Stanford, CA: Stanford University Press.

Khazanov, A. M. 1978. The Early State Among the Scythians. In Claessen, Skalnik 1978a: 425–439.

Korotayev, A. V. 1995. Mountains and Democracy: An Introduction. In Kradin, Lynsha 1995: 60–74.

Korotayev, A. V., Kradin, N. N., Lynsha, V. A., Munck, V. de 2000. Alternatives of Social Evolution: An Introduction. In Kradin *et al.* 2000: 12–51.

Kottak, C. Ph. 1980. *The Past in the Present: History, Ecology and Cultural Variation in Highland Madagascar*. Ann Arbor: University of Michigan Press

Kowalewski, S. A., Nicolas, L., Finsten, L., Feinman, G. M., Blanton, R. E. 1995. Regional Restructuring from Chiefdom to State in the Valley of Oaxaca. In Kradin, Lynsha 1995: 93–99.

Krader, L. 1978. The Origin of the State Among the Nomads of Asia. In Claessen, Skalnik 1978a: 93–107.

Kradin, N. N.

1995. The Transformation of Political Systems from Chiefdom to State: the Mongolian Example. In Kradin, Lynsha 1995: 136–143.

2000a. The Hsiung-Nu (200 B. C. – A. D. 48). In Bondarenko, Korotayev 2000: 287–304.

2000b. Nomads, World-Empires, and Social Evolution. In Kradin *et al.* 2000: 274–288.

Kradin, N. N., Bondarenko, D. M., Barfield, T. J. (eds.) 2003. *Nomadic Pathways in Social Evolution*. M.: IAF RAS.

Kradin, N. N., Korotayev, A. V., Bondarenko, D. M., Munck, V. de, Wason, P. K. (eds.) 2000. *Alternatives of Social Evolution*. Vladivostok: FEB RAS.

Kradin, N. N., Lynsha, V. A. (eds.) 1995. *Alternative Pathways to Early State*. Vladivostok: Dal'nauka.

Kurtz, D. 1978. The Legitimation of Aztec State. In Claessen, Skalnik 1978a: 169–189.

Lal, B. B. 1984. *Some reflections on the structure remains at Kalibangan*. FIC.

Lelioukhine, D. N. 2000. State and Administration in Kautilya's 'Arthashastra'. In Kradin *et al.* 2000: 266–272.

Lloyd, P. 1981. West African Kingdoms and the Earle State: a Review of Some Recent Analyses. In Claessen and Skalnik 1981: 223–238.

Lozny, L. 1995. The Transition to Statehood in Central Europe. In Kradin, Lynsha 1995: 84–92.

Marcus, J. 1998. The Peaks and Valleys of Ancient States: An Extension of Dynamic Model. In Feinman, Marcus 1998: 59–94.

Marcus, J., and Feinman, G. M. 1998. Introduction. In Feinman, Marcus 1998: 3–13.

Marey, A. V. 2000. The Socio-Political Structure of the Pechenegs. In Kradin *et al.* 2000: 289–293.

Mason, J. A. 1961. *The Ancient Civilizations of Peru*. Baltimore, MD: Penguin.

McIntosh, S. K. 1999a. Pathways to Complexity: an African Perspective. In McIntosh 1999b: 1–30.

1999b (ed.) *Beyond Chiefdoms; Pathways to Complexity in Africa*. Cambridge: Cambridge University Press.

Mishra, P., Mishra, J. 2002. *Strategy of Power sharing in ancient India: with special reference to Kautilya's Arthashastra. Paper presented at the International Conference "Hierarchy and Power in the History of Civilizations" St. Petersburg, July 4–7.*

Oosten, J. 1996. Ideology and the Development of European Kingdoms. In Claessen and Oosten 1996: 225–247.

Patterson, T. C. 1995. Gender, Class and State Formation in Ancient Japan. In Kradin, Lynsha 1995: 128–135.

Pokora, T. 1978. China. In Claessen, Skalník 1978a: 191–212.

Polanyi, K. 1968. Primitive, archaic and modern Economics. In Dalton, G. (ed.), *Primitive, Archaic, and Modern Economics: Essays of Karl Polanyi*. Garden City, N. Y., Anchor Books.

Possehl, G. L. 1998. Sociocultural Complexity Without the State: The Indus Civilization. In Feinman, Marcus 1998: 261–292.

Sahlins, M. D.

1972a/1958. *Social Stratification in Polynesia*. Seattle – London: University of Washington Press.

1972b. *Stone Age Economics*. Chicago

Schaedel, R.

1978. Early State of the Incas. In Claessen, Skalník 1978a: 289–320.

1995. The Temporal Variants of Proto-state Societies. In Kradin, Lynsha 1995: 47–53.

Seaton, L. 1978. The Early State in Hawaii. In Claessen, Skalník 1978a: 269–287.

Service, E. R. 1975. *Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution*. N. Y.

Shiffert, P. A. 1987. Aztecs and Africans: Political Processes in Twenty-Two Early States. In Claessen, van de Velde 1987b: 39–53.

Skalník, P. 1996. Ideological and Symbolic Authority: Political Culture in Nanun, Northern Ghana. In Claessen, Oosten 1996: 84–98.

Skrynnikova, T. D. 2004. Mongolian Nomadic Society of the Empire Period. In Grinin *et al.* (eds.) 2004: 525–535.

Southall, A. 2000. On the Emergence of States. In Kradin *et al.* 2000: 150–153.

Spencer, Ch. S. 2000. The Political Economy of Pristine State Formation. In Kradin *et al.* 2000: 154–165.

Spencer, Ch. S., Redmond, E. M. 2003. Militarism, Resistance and Early State Development in Oaxaca, Mexico. *Social Evolution & History* 2 (1): 25–70.

Tainter, J. A. 1990. *The Collapse of Complex Societies*. Cambridge – New York: Cambridge University Press.

Trepavlov, V. V. 1995. The Nogay Alternative: from a State to a Chiefdom and Backwards. In Kradin, Lynsha 1995: 144–151.

Tymowski, M. 1987. The Early State and after in precolonial West Sudan. Problems of the stability of political organizations and the obstacles to their development. In Claessen, van de Velde 1987b: 54–69.

Van Bakel, M. 1996. Ideological Perspectives of the Development of Kingship in the Early States of Hawaii. In Claessen, Oosten 1996: 329–345.

Vansina, J. 1999. Pathways of Political Development in Equatorial Africa and Neo-evolutionary Theory. In McIntosh 1999b: 166–172.

Vorobyov, D. V. 2000. The Iroquois (15th–18th centuries A. D.). In Bondarenko, Korotayev 2000a: 157–174.

Wason, P. K. 1995. Social Types and the Limits of Typological Thinking in Social Archaeology. In Kradin and Lynsha 1995: 19–27.

Weber, M. 1947. *The Theory of Social and Economic Organization*. New York: Free Press.

Wittfogel, K. A. 1957. *Oriental Despotism*. New Haven, CT: Yale University Press.

Wright, H. T. 1977. Recent Research on the Origin of the State. *Annual Review of Anthropology* 6: 379–397.

Wright, H. T., Johnson, G. 1975. Populations, Exchange, and Early State Formation in Southwestern Iran. *American Anthropologist* 77: 267–289.

Zin'kovskaya I. V. 2004. The Hermanarich Kingdom: Between Barbarity and Civilization. In Alexeev, I. L. *et al.* (eds.) 2004: 84–85.